ДЖЕННИФЕР НИВЕН
ТЫ НЕ ВИНОВАТ
Трогательная и невероятно искренняя книга о трагедии, надеждах и первой любви.
«New York Times»

Виноваты звезды

Дженнифер Нивен

Ты не виноват

«АСТ»

2015

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Нивен Д.

Ты не виноват / Д. Нивен — «АСТ», 2015 — (Виноваты звезды)

ISBN 978-5-17-088306-6

Теодор Финч заворожен идеей смерти и постоянно придумывает все более изощренные способы ухода из жизни – но что-то снова и снова мешает ему претворить свои планы в реальность.Вайолет Марки живет будущим, считая дни до выпускного, когда она наконец-то сможет уехать из родного города, где все напоминает ей о смерти сестры.Когда Финч случайно встречает Вайолет на вершине школьной колокольни, именно он спасает ее от самоубийства и решает научить погруженную в боль и воспоминания девушку заново жить, надеяться и радоваться каждому новому дню.Но сможет ли он, спасая другого, спасти самого себя?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-088306-6

© Нивен Д., 2015
© АСТ, 2015

Содержание

Финч и Вайолет 6
Финч 6
Вайолет 14
Финч 19
Вайолет 29
Финч 35
Вайолет 40
Финч 41
Вайолет 48
Финч 49
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Дженнифер Нивен
Ты не виноват

Мы все сломаны. И именно в местах надломов мы часто сильнее всего.
Э. Хемингуэй

Jennifer Niven
ALL THE BRIGHT PLACES
Печатается с разрешения Random House Children's Books, a division of Random House LLC.
© Jennifer Niven, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Финч и Вайолет

Финч
Я снова в сознании. 6-й день

Интересно, сегодня подходящий день, чтобы умереть?

Именно этот вопрос я задал себе в утро того дня, когда очнулся. Во время третьего урока, пока мистер Шредер что-то монотонно бубнил себе под нос, а я отчаянно старался снова не уснуть. Потом еще раз, когда передавал кому-то зеленую фасоль за столом во время ужина. И еще раз уже ночью, когда лежал с открытыми глазами и не мог заснуть из-за огромного количества мыслей в голове.

Может быть, сегодня – тот самый день?

А если не сегодня, то когда?

Я задаю этот вопрос себе и сейчас, стоя на небольшом выступе на высоте шестого этажа. Я нахожусь так высоко, что мне кажется, будто я сам стал частичкой неба. Я смотрю вниз, на асфальт, и весь мир плывет. Тогда я закрываю глаза и наслаждаюсь тем, что все вокруг меня медленно раскачивается. Может быть, на этот раз я все-таки совершу прыжок – и пусть воздушные потоки унесут меня прочь. Я буду плавать в невидимом бассейне, нестись вместе с течением до тех пор, пока от мира и меня больше ничего не останется.

Я уже и не помню, как забрался сюда. И вообще я мало помню из того, что было до субботы, по крайней мере из того, что относится к нынешней зиме. Это происходит постоянно, я то отключаюсь, то снова прихожу в сознание. Я похож на того старика, Рип ван Винкля[1]. Вы то видите меня, то не видите. Только не подумайте, что я привык к такой жизни, нет. Причем последний раз оказался худшим из всех. Я проспал не день или два и даже не неделю, я проспал все праздники: День благодарения, Рождество и Новый год. Не могу точно сказать, почему на этот раз все оказалось по-другому, но, проснувшись, я чувствовал себя мертвецом. Да, я очнулся, но совершенно опустошенным, как будто кто-то за это время высосал из меня всю кровь. Сегодня шестой день моего бодрствования и первая неделя после четырнадцатого ноября, как я снова хожу в школу.

Я открываю глаза. Земля на прежнем месте, такая же твердая, как и всегда. Я нахожусь на школьной колокольне. На крохотном выступе сантиметров в десять. Сама колокольня невелика. Здесь всего лишь пара метров бетонной площадки да невысокая каменная стена, служащая оградой, через которую мне пришлось перелезть, чтобы попасть сюда. Время от времени я стучу по ней ногой, дабы убедиться, что она по-прежнему здесь.

Мои руки направлены чуть в стороны и вверх, как будто я намерен прочитать проповедь, а весь этот не слишком большой и скучный городок и есть моя паства.

– Дамы и господа! – кричу я. – Добро пожаловать на мою смерть.

Вы, наверное, ожидали услышать от меня слово «жизнь», потому что я лишь недавно очнулся, но ведь я могу думать о смерти только тогда, когда не сплю. Я вещаю так же, как это обычно делает наш школьный проповедник, выкрикивая слова и выбрасывая руки вверх, отчего кажется, что и слова вылетают изо рта, дергаясь и извиваясь. Я почти теряю равновесие. Теперь я держусь за край ограды за спиной, но этого, к моему удовольствию, никто, похоже, не замечает. Поймите меня правильно: трудно сохранять полное хладнокровие, когда в это же

[1] Герой одноименной новеллы Вашингтона Ирвинга. Имя Рип ван Винкля стало нарицательным обозначением человека, оторвавшегося от действительности. – *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. ред.*

время приходится судорожно цепляться за каменную ограду, как птенец, боящийся выпасть из гнезда.

– Я, Теодор Финч, будучи в нездравом уме, завещаю все свое имущество Чарли Донахью, Бренде Шенк-Кравиц, а также своим сестрам. Все остальные могут отправляться на… к чертовой матери.

Мама довольно рано научила нас этому слову, предупредив, что лучше его не использовать, но оно, к сожалению, прочно засело в моей голове. И хотя звонок на урок уже прозвенел, кое-кто из моих одноклассников все еще оставался на своих местах. Идет первая неделя второго полугодия последнего года в школе, но они ведут себя так, будто обучение уже закончено, и они свободны от занятий. Один из них даже смотрит вверх, как будто слышит мои слова. Другие даже не поворачивают головы. Они или вообще не замечают меня, или решили: «Подумаешь, какое дело! Это же всего-навсего наш Теодор Фрик». Потом мой одноклассник отворачивается и указывает всем остальным куда-то в небо. Поначалу мне все же кажется, что он указывает на меня, но почти в ту же секунду я замечаю ее, ту самую девушку.

Она стоит в нескольких метрах от меня, но с другой стороны колокольни, на таком же крохотном выступе, для чего ей тоже пришлось преодолеть каменную ограду. Ее светло-русые волосы развеваются на ветру, а юбка раздувается, как парашют. И хотя у нас, в Индиане, январь, она почему-то стоит без обуви, в одних колготках, а свои сапожки держит в руке, смотря то ли себе под ноги, то ли на землю. Мне трудно сказать, куда именно направлен ее взгляд. Она замерла на месте и не шевелится.

Я как можно спокойнее говорю, забыв об интонации проповедника:

– Поверь мне на слово, худшее, что ты можешь делать сейчас, – это смотреть вниз.

Она очень медленно поворачивает ко мне голову, и я узнаю эту девчонку. Я определенно встречал ее в школьных коридорах. Увидев меня, незваная гостья округляет глаза, и мне хочется думать, будто это происходит лишь потому, что я прекрасно выгляжу. Хотя, конечно, это совсем не так.

Не удержавшись, я продолжаю:

– Ты сюда часто заглядываешь? Это, можно сказать, мое место, и раньше я тебя тут не видел.

Девушка не смеется. Она даже глазом не моргнула. Просто внимательно смотрит на меня из-за стекол своих дурацких огромных очков, которые закрывают ей пол-лица. Она пытается сделать шаг назад, но тут же упирается в стену и на мгновение теряет равновесие, но не успевает впасть в панику, потому что я тут же выдаю:

– Не знаю, что привело тебя именно сюда, но лично мне кажется, что вид на город отсюда лучше, да и люди кажутся добрее, даже самые неприятные их представители. Кроме, разумеется, Гейба Ромеро и Аманды Монк, да еще разве что той компании, в которой ты сама вращаешься.

Девушку зовут Вайолет, фамилию не помню. Она чирлидер – одна из тех популярных девчонок, кого вы никогда бы не подумали встретить на крошечном выступе на уровне шестого этажа над землей. Если бы не эти уродские очки, то она бы была прекрасна, как фарфоровая куколка. Огромные глаза, милое лицо в форме сердечка, а губы, кажется, сами собой готовы растянуться в искренней улыбке. Такие девчонки, конечно же, встречаются с парнями вроде нашего Райана Кросса, известного бейсболиста, а в столовой садятся за один столик с такой же известной красоткой, как Аманда Монк.

– А теперь давай поговорим серьезно. Мы же оказались здесь совсем не потому, что отсюда открывается великолепный вид, да? Если не ошибаюсь, тебя зовут Вайолет.

Она моргает, что я расцениваю как подтверждение.

– А я Теодор Финч. Кажется, в прошлом году у нас была одна группа по математике.

Она еще раз моргает.

– Терпеть не могу алгебру, но сюда я забрался, конечно же, не из-за нее. А если ты только из-за математики, то без обид, как говорится. К тому же ты наверняка лучше меня в ней разбираешься. Это потому, что почти все в ней разбираются лучше меня. Но я не расстраиваюсь, не обижаюсь, поскольку я гораздо лучше многих разбираюсь в других вещах, куда более важных – игра на гитаре, секс, что, правда, уже долгое время огорчает моего отца. Вряд ли тебе придется когда-нибудь в реальной жизни использовать свои знания. Это касается математики, конечно же.

Я продолжаю болтать без умолку, хотя начинаю понимать, что запал у меня скоро закончится. Внезапно я осознаю, что мне очень хочется в туалет, и от этого моя речь становится еще более бессвязной. (Стоит запомнить: прежде чем решиться отдать Богу душу, надо непременно отлить.) К тому же начинает противно моросить. Учитывая сегодняшнюю температуру, будет дождь со снегом.

– Дождь начинается, – заявляю я, как будто она сама этого не замечает. – Наверное, в этом есть и свой плюс, поскольку он смоет кровь, и мы будем представлять собой не такие уж отвратительные лепешки, когда нас начнут отскабливать от асфальта. Но именно эта неприятная картина заставляет меня хорошенько задуматься. Я, конечно, не слишком тщеславен, но я все же человек. Не знаю, как тебе, но мне не хочется выглядеть на собственных похоронах так, будто меня пропустили через мясорубку.

Она дрожит или ее уже серьезно лихорадит – этого разобрать я не в состоянии. Так или иначе, я медленно начинаю свой путь к ней. Надеюсь, я успешно его преодолею, потому что очень не хочется упасть вниз и, таким образом, опозориться перед девчонкой.

– Лично я все решил и готов на кремацию, хотя моя мама об этом ничего и слышать не желает.

Что касается отца, то он сделает все именно так, как того потребует мама, чтобы не расстраивать ее еще больше. Вдобавок ко всему он говорил мне так: «Ты еще слишком молод для того, чтобы рассуждать на данную тему. Разве ты не знаешь, что твоя бабушка по линии Финч дожила до девяноста восьми лет? Давай больше не начинать подобных разговоров, Теодор, чтобы не волновать нашу маму».

– Вот почему меня обязательно должны хоронить в открытом гробу. А если я спрыгну, зрелище будет не из приятных. К тому же мне нравится мое лицо именно таким, как оно выглядит сейчас. Два глаза, нос, рот, полный набор зубов. Они, кстати, предмет моей особой гордости. – На этих словах я широко улыбаюсь, чтобы она отчетливо могла видеть, что именно я имею в виду. Все должно находиться на своих местах – вот что я хотел ей сказать.

Она молчит, и тогда я продолжаю свою болтовню, не забывая при этом понемногу приближаться к ней:

– Кого мне больше всех жалко, так это гробовщика. Вот уж кому не повезет, так не повезет! Намучается парень, имея дело с таким олухом, как я.

– Вайолет! Неужели там, наверху, Вайолет?! – громко кричит кто-то внизу.

– Боже мой, – произносит девушка так тихо, что мне почти не слышны ее слова. – Боже-боже-боже.

В этот момент порыв ветра раздувает ее юбку и волосы – со стороны может показаться, будто она собралась улетать. Гомон внизу усиливается. Тогда я кричу:

– Даже не пытайся спасти меня! Ты погибнешь! – Потом очень тихо я обращаюсь к ней: – Вот что мы сейчас должны с тобой сделать. – До нее остается буквально полметра, даже меньше. – Бросай свою обувь к колоколу и сразу хватайся за ограду. Просто цепляйся за нее покрепче и тут же переноси через перила правую ногу. Поняла?

– Поняла. – Она кивает и в ту же секунду чуть не теряет равновесие.

– Не надо кивать.

– Поняла.

– Только помни, что шагать надо назад, только назад, а не наоборот. Действуй по моему сигналу. Считаю до трех.

– Хорошо. – Сапожки летят к колоколу и с громким стуком падают на бетонную площадку.

– Раз. Два. Три!

Она хватается за камень и крепко прижимается к нему, одновременно поднимая ногу и перекидывая ее через ограду, – и уже через мгновение оказывается сидящей на ней верхом. Ее взгляд устремляется вниз. Я вижу, как девчонка замирает, и снова обращаюсь к Вайолет:

– Отлично. Просто здорово. Только не надо туда больше смотреть.

Она медленно переводит взгляд на меня, потом наступает на пол колокольни правой ногой, и в этот момент я произношу:

– А теперь все то же самое проделай левой ногой. Только пока не отпускай ограду. – Ее начинает бить крупная дрожь. Слышу, как стучат ее зубы, но я продолжаю внимательно следить за ней до тех пор, пока обе ее ноги не окажутся на бетонной площадке. Все. Теперь она в полной безопасности.

За оградой я остаюсь один. Я смотрю вниз в последний раз, не обращая внимания на свои огромные ступни, которые все еще продолжают расти в длину (на мне сегодня роскошные кроссовки с флуоресцентными шнурками), на открытые окна четвертого этажа, третьего, второго… Я скольжу взглядом по фигуре Аманды Монк, которая смеется на ступеньках главного входа и трясет головой, как норовистый пони, держа учебники высоко над головой, стараясь уберечься от дождя и одновременно с кем-то флиртуя. Мой взгляд перебегает от нее на пустую землю, которая уже успела стать темной и скользкой. Я пытаюсь представить себя, лежащего на ней.

Я мог бы сделать всего один шаг. И через пару секунд все бы закончилось. Никакого больше Теодора Фрика. Никакой боли. Вообще ничего. Но нужно отвлечься от неожиданного спасения и вернуться к куда более прозаичным делам. В течение нескольких секунд мне удается пережить задуманный финал – это удивительное спокойствие, как будто я уже умер. Я свободен и совершенно не чувствую собственного веса. Мне некого и нечего бояться, даже самого себя.

Но тут позади меня раздается голос:

– Я хочу, чтобы сейчас ты покрепче ухватился за ограду и сразу же перекинул через перила правую ногу.

Вот так. Момент прошел. Он, может, и существовал, но уже прошел, и теперь все задуманное кажется глупым и бессмысленным. Пожалуй, интересно было бы посмотреть на выражение лица Аманды в то мгновение, когда я буду пролетать мимо нее. Мне даже стало смешно от этой мысли. Я начинаю хохотать так неистово, что чуть не падаю вниз, и меня это жутко пугает. На самом деле пугает! Я цепляюсь за ограду, Вайолет хватается за меня, и именно в эту секунду Аманда поднимает взгляд на нас двоих. Она презрительно щурится.

– Вот идиот! – вопит кто-то. Группа школьников, собравшаяся возле Аманды, начинает смеяться. Сама она прижимает ладонь к губам рупором и, направив ее вверх, кричит:

– С тобой там все в порядке, Ви?

Вайолет наклоняется над оградой, не отпуская моих ног.

– Да, все хорошо!

С громким треском открывается дверь, ведущая на бетонную площадку колокольни, и появляется мой лучший друг Чарли Донахью. Чарли темнокожий, но не как в телевизоре – относительно черный, он абсолютно черный. При этом он носит фамилию, совершенно не ассоциирующуюся с цветом его кожи. В виде компенсации за это у него жуткий шрам на плече.

– Сегодня в столовку привезли пиццу, – докладывает он, словно не замечая того, что я уцепился за ограду, а мои колени отчаянно обхватывает девушка.

– И чего ты там застрял и никак не можешь довести свое дело до конца? – истошно вопит внизу Гейб Ромеро, больше известный под прозвищем Роумер, или просто Болван. Впрочем, его слова вызывают внизу всеобщий хохот.

«Да потому что у меня свидание с твоей мамашей сегодня вечером, о котором я только что вспомнил!» – хочется выкрикнуть мне, но я молчу. Хотя бы потому, что шутка больно уж плоская, да и он сам может заявиться сюда, набить мне морду и сбросить вниз. А это будет уже совсем не тот запланированный прыжок с колокольни.

Но кричу я совсем другое:

– Вайолет, огромное спасибо тебе за то, что спасла меня! Не знаю, что случилось бы, если бы ты не пришла сюда. Наверное, я был бы уже мертв.

В последний момент я замечаю внизу нашего школьного психолога мистера Эмбри. Он смотрит на меня, и у меня появляется только одна мысль: «Здорово. Просто замечательно».

Я позволяю Вайолет помочь мне перелезть через стену, чтобы очутиться наконец на бетонной площадке. Снизу раздаются негромкие аплодисменты. Но предназначены они не мне, а Вайолет, героине дня. Теперь, когда она находится так близко, я вижу, какая гладкая и ровная у нее кожа, если не считать пары веснушек на правой щеке. Ее серо-зеленые глаза заставляют меня задуматься о падении. Они завораживают. Ее глаза такие большие, что кажется, будто видят буквально все на свете. Они одновременно и теплые, и такие деловые… Они настоящие, такие глаза заглядывают внутрь тебя, я вижу это даже через стекла очков. Сама девчонка довольно милая и высокая, но не дылда. Ноги у нее длинные, а бедра округлые, что мне особенно нравится в девушках, потому что многие из них фигурой почему-то больше напоминают мальчишек.

– Я там просто сидела… – начинает Вайолет. – На ограде. Я пришла сюда вовсе не потому, что…

– Можно тебя кое о чем спросить? Как ты считаешь, есть такое понятие, как идеальный день?

– Что?

– Идеальный день. Начало конца. Когда не происходит ничего ужасного, грустного или просто обыкновенного. Как ты думаешь, такое вообще возможно?

– Не знаю.

– А у тебя бывали такие дни?

– Нет.

– У меня тоже, но я жду и не отчаиваюсь.

– Спасибо тебе, Теодор Финч, – шепчет она. Потом тянется ко мне и целует в щеку. В этот миг я ощущаю аромат ее шампуня, похожий на букет цветов, а она продолжает говорить мне прямо на ухо: – Если ты кому-нибудь об этом расскажешь, я тебя убью.

Продолжая держать в руке свои сапожки, она торопливо убегает из-под дождя к маленькой двери, которая ведет на темную шатающуюся лестницу, ведущую в один из ярко освещенных и переполненных толпой школьных коридоров. Чарли следит за Вайолет взглядом, и как только дверь за ней закрывается, сразу поворачивается ко мне.

– Послушай, друг, зачем ты все это вытворяешь?

– Затем, что все мы когда-нибудь умрем. А я просто хочу подготовиться.

Разумеется, причина совсем не в этом, но ему будет достаточно и такого объяснения. На самом деле причин масса, и многие из них меняются день ото дня. Как, например, тот случай, когда были убиты тринадцать четвероклассников на этой неделе, когда какой-то подонок открыл пальбу прямо в физкультурном зале. Или другой пример – девчонка младше меня на два года умирает от рака. Мне еще вспоминается мужик, ни за что ни про что начавший избивать свою собаку прямо перед большим универсамом. Или взять в качестве примера моего отца…

Чарли, может, и подумает обо мне что-то неприятное, но вслух этого не произнесет. Поэтому он и считается моим лучшим другом. И кстати, кроме этого факта, нас вообще-то мало что объединяет.

Официально считается, что в школе я прохожу испытательный срок. Это произошло из-за незначительного случая, в котором были задействованы парта и школьная доска. (Кстати, для вашего сведения: поменять доску, оказывается, стоит очень дорого. Дороже, чем вы способны предположить.) Сюда же можно добавить разбитую гитару на встрече школьников, использование фейерверков в неположенном месте, ну и парочку не очень серьезных драк, наверное. В результате я был вынужден согласиться на следующие условия.

Еженедельно посещать школьного психолога, получать оценки не ниже «хорошо» и участвовать, по крайней мере, в одном школьном кружке помимо обязательной программы. Я выбрал занятия макраме. Причин для этого было несколько. Во-первых, я не имел ни малейшего представления о том, что это такое, а во-вторых, я оказался единственным парнем среди двадцати симпатичных девчонок, что значительно увеличивало мои шансы на успех. Кроме того, я обещал прилично вести себя, аккуратно играть с другими учениками, отказаться от переворачивания парт, впрочем, как и от других выходок, связанных с применением насилия. В любой ситуации я должен был твердо помнить, что мне всегда следует держать язык за зубами и дважды подумать, прежде чем дать волю словам. Видимо, из-за моей несдержанной речи и начинались все мои проблемы и неприятности. Если же что-нибудь пойдет не так, и я снова где-то накосячу, на этот раз меня точно исключат из школы.

Войдя в приемную перед кабинетом школьного психолога, я докладываю о своем появлении секретарю и сажусь на один из удивительно жестких и неудобных стульев, ожидая, когда мистер Эмбри освободится и сможет принять меня. Если я правильно понимаю Эмбриона (так я за глаза называю мистера Эмбри), то сейчас его больше всего должно интересовать, какого черта я забрался на колокольню и что собирался там делать дальше. Если мне повезет, у него не останется времени для дальнейших расспросов.

Через пару минут он открывает дверь и приглашает меня внутрь. Он невысокий, но очень плотного телосложения, чем напоминает маленького упитанного бычка. Как только дверь за мной захлопывается, улыбка мгновенно сползает с его лица. Эмбрион садится на свое место, зависая над столом, и начинает сверлить меня взглядом так, будто я и есть тот самый подозреваемый, которого он непременно должен сегодня же расколоть.

– Какого черта ты забрался на колокольню?

Мне нравится в Эмбрионе не только то, что он удивительно предсказуем. Он хорош еще и тем, что сразу же приступает к делу. Без лишних предисловий. Мы встречаемся с ним со второго класса.

– Мне хотелось полюбоваться оттуда видом на город.

– Ты, случайно, не собирался спрыгнуть вниз?

– Только не в тот день, когда в столовую привезли пиццу. Никогда в жизни не пропустил бы возможность съесть кусочек. Это самые лучшие дни в нашей школе. – Должен заметить, я умею уводить человека от темы. Я так натренировался в этом деле, что мог бы, наверное, защититься на данную тему. Вот только кому и зачем бы это понадобилось? Что касается меня, то этим искусством я овладел в совершенстве.

Я жду, когда психолог начнет расспрашивать меня про Вайолет, но вместо этого он говорит:

– Мне важно знать, не планировал ли ты причинить себе вред и не думаешь ли совершить нечто подобное в будущем. Я не шучу. Если директор Уэртц узнает о случившемся, тебе не поздоровится. Если я сделаю вид, будто ничего не произошло, и ты, воспользовавшись этим, снова рванешь туда и на этот раз сиганешь с колокольни, мне настанет конец. Начнется судеб-

ное разбирательство, и, учитывая мою зарплату… Поверь, я вовсе не лгу, когда говорю, что я не в состоянии принимать участие в судебных тяжбах. Вот почему для меня весьма важен тот факт, прыгнешь ли ты с нашей школьной колокольни или выберешь для себя городскую башню.

Я поглаживаю подбородок так, будто серьезно задумался.

– Я бы выбрал городскую башню. Теперь я наконец-то понял, как мне стоит поступить.

Он даже не шевельнулся, лишь пристально смотрел мне в глаза. Как большинство жителей Среднего Запада, Эмбрион не понимает юмора, особенно на такую щекотливую тему.

– Не смешно, мистер Финч. На подобные темы не принято шутить.

– Совершенно верно. Простите меня.

– Беда в том, что самоубийцы не заботятся о последствиях своих поступков. Страдать будут не только твои родители, братья и сестры, но также друзья и подружки, одноклассники, учителя. – Мне приятно сознавать, что он считает, будто так много людей зависит от меня. Причем он упомянул даже не одну подружку. Он сказал «подружки»…

– Мне было просто скучно. Согласен, что это не самое лучшее место, где стоило провести первый урок.

Эмбрион берет папку, с грохотом бросает ее на стол перед собой и начинает перелистывать страницы. Потом долго что-то читает, а я терпеливо жду. Спустя некоторое время мне начинает казаться, что он подсчитывает дни, оставшиеся до летних каникул.

Наконец, мистер Эмбри поднимается со своего места, точно так же, как это обычно делают полицейские из дешевого телесериала, и начинает прогуливаться взад-вперед по кабинету, пока не останавливается, грозно нависая над моей скромной персоной. Он упирается поясницей о свой стол, сложив руки на груди, а я смотрю мимо него и судорожно пытаюсь определить, где же именно в его кабинете расположено скрытое от моих глаз двустороннее зеркало.

– Может быть, мне стоит позвонить твоей матери?

– Нет. И еще раз нет. – И еще много-много раз нет и нет. – Послушайте, это действительно был очень глупый поступок. Мне просто захотелось проверить, что испытывает человек, встав на краю и посмотрев вниз. Конечно, я никогда бы не спрыгнул с колокольни.

– Если это снова повторится, если ты даже подумаешь о том, чтобы все это повторить, я позвоню твоей матери и вызову к себе. А тебе придется пройти тест на наркотики.

– Я ценю вашу заботу, сэр. – Я стараюсь говорить так, чтобы в голосе звучала искренность. Меньше всего мне сейчас нужно, чтобы на меня снова было обращено столь пристальное внимание. Чтобы за мной постоянно следили в школьных коридорах, да и в остальных местах, где мне приходится бывать после уроков. Кроме того, что скрывать, мистер Эмбри мне действительно нравится как специалист. – Что же касается ваших подозрений насчет наркотиков, могу сказать одно – это будет пустая трата драгоценного времени. Нет, в самом деле. Если, конечно, сигареты не в счет. А так… Наркотики и я? Нет, мы совершенно не сочетаемся. Поверьте, я как-то раз попробовал… – Я складываю руки, как это делают послушные мальчики, и продолжаю: – Что касается колокольни, то все было не совсем так, как вы себе это представляете. Я могу твердо пообещать вам, что ничего подобного больше не повторится.

– Конечно, не повторится. Потому что теперь ты будешь приходить ко мне не один раз в неделю, а два. По понедельникам и пятницам ты станешь рассказывать мне обо всем, что с тобой происходит.

– С огромной радостью, сэр… Мне очень нравятся наши беседы, но я действительно отлично себя чувствую, так что два раза…

– Это не обсуждается. А теперь давай поговорим о конце прошлого полугодия. Ты пропустил четыре недели, точнее, почти пять. Твоя мама сказала мне, что ты болел гриппом.

Ему рассказала об этом, разумеется, не мама, а моя сестра Кейт, но он об этом даже не догадывается. Это она позвонила в школу, пока я находился в отключке, потому что у мамы и без того хватало других забот.

– Если она так сказала, то что мы с вами сейчас должны обсуждать?

Да, я, разумеется, был серьезно болен, но объяснить это не так просто, как могла бы пройти отмазка про грипп. По собственному опыту могу сказать, что люди становятся более доброжелательными и снисходительными, когда видят страдания другого человека. Вот уже который раз в своей жизни я мечтаю о том, чтобы заболеть привычной свинкой или корью или чем-нибудь другим, что легко можно объяснить. Вот тогда все стало бы просто – и для меня, и для окружающих. Любая болячка оказалась бы лучше правды.

Я снова отрубился. Мир перестал для меня существовать. Только что все вокруг кружилось, и вот теперь мой мозг как будто неспешно путешествует по одному и тому же кругу, как старая, страдающая артритом собака, пытающаяся выбрать удобное местечко перед тем, как лечь. Уже в следующее мгновение я отключился и погрузился в сон. Но я спал не так, как это делает обычный человек каждую ночь. Это был долгий и глубокий сон. И в нем абсолютно не было сновидений.

Эмбрион снова долго и пристально смотрит на меня, как будто хочет, чтобы я изрядно попотел под его испепеляющим взглядом.

– Значит, мы можем рассчитывать на то, что в этом полугодии ты будешь вести себя хорошо и не станешь больше пропускать занятия?

– Совершенно верно.

– И догонишь своих одноклассников? И будешь принимать участие в общих делах?

– Да, сэр.

– Я договорюсь с медсестрой насчет теста на наркотики. – Он строго указывает на меня пальцем. – Твой испытательный срок означает, что тебе дали время исправиться. Мы должны убедиться в том, что ты действительно понял свои ошибки и больше их не повторишь. Если не веришь, можешь прочитать об этом сам. И, ради всего святого, оставайся целым и невредимым.

Я и хочу оставаться целым и невредимым, только сейчас я не стал произносить это вслух. Судя по толщине папки, которая находится у него перед глазами, он бы все равно мне ни за что не поверил. И вот еще один факт, в который он не поверил бы – все дело в том, что мне приходится отчаянно бороться за то, чтобы продолжать оставаться в этом дерьмовом запутанном мире. Когда я стоял на краю выступа на колокольне, я не думал о смерти. Я хотел научиться контролировать себя. Чтобы больше никогда не впадать в тот странный и жуткий сон.

Эмбрион снова начинает путешествие по кабинету. На этот раз он останавливается возле стопки брошюр из серии «Подросток в опасности». Он берет сразу несколько штук и начинает вещать о том, что я не одинок в мире, я всегда могу прийти к нему и поговорить, потому что дверь в его кабинет всегда для меня открыта, он всегда здесь, а в понедельник мы побеседуем уже более основательно… Мне так и хочется ответить ему, спасибо, конечно, и вообще без обид, но только это как-то слабо меня успокаивает. Однако вместо этого я начинаю шумно благодарить его, потому что я вижу и темные круги у него под глазами, и эти характерные складочки у губ, как у каждого заядлого курильщика. Скорее всего, как только я закрою за собой дверь, он тут же потянется за сигаретой. Я принимаю из рук мистера Эмбри стопку брошюр и выхожу из кабинета, оставляя его одного. За все время он ни разу не вспомнил про Вайолет, и от этого у меня становится легко на душе.

Вайолет
154 дня до окончания школы

Утро пятницы. Я сижу в кабинете миссис Мэрион Кресни, нашего школьного психолога. У нее маленькие, но очень добрые глаза, а улыбка такая широкая, что едва умещается на лице. Если верить диплому на стене кабинета, она работает в нашей средней школе Бартлетт вот уже пятнадцать лет. Сегодня мы встречаемся с ней в двенадцатый раз.

Мое сердце до сих пор бешено колотится, а руки трясутся. Я никак не могу успокоиться после того, что случилось на колокольне. Я ужасно замерзла, и сейчас мне очень хочется одного – прилечь и согреться. Я жду, когда миссис Кресни заговорит. Она произнесет что-то вроде: «Я знаю, чем ты занималась во время первого урока, Вайолет Марки. Твои родители уже едут сюда. А вот медики уже прибыли, и они готовы упечь тебя в ближайшую психушку».

Но мы начинаем издалека. Впрочем, как всегда.

– Как твои дела, Вайолет?

– Все замечательно, а как ваши? – Я протискиваю ладони под бедра, чтобы быстрее согреть пальцы рук.

– И у меня все в порядке, но давай поговорим о тебе. Мне очень важно узнать, как ты себя чувствуешь.

– Все хорошо. – То, что она пока не перешла к делу, вовсе не означает, будто ей еще ничего не известно. Она практически никогда не говорит напрямую.

– Как ты спишь?

Мои кошмары начались через месяц после катастрофы. Она спрашивает о них при каждой нашей встрече, потому что я совершила непростительную ошибку и сама рассказала о них матери, а та сразу передала нашу беседу миссис Кресни. Кстати, это одна из причин, почему я сегодня очутилась именно здесь и почему я стараюсь больше ничем не делиться с матерью.

– Я прекрасно сплю по ночам.

Особенность миссис Кресни заключается в том, что она постоянно, вне зависимости от ситуации, улыбается. Впрочем, мне это нравится.

– А что насчет кошмаров?

– Ни одного.

Раньше я их записывала, потом перестала. Правда, я помню каждый в мельчайших подробностях. Вот, к примеру, один из них, который приснился мне недели четыре назад. Я буквально растаяла на глазах у других. Мой отец при этом говорил: «Твой конец наступил, Вайолет. Ты исчерпала свой срок. Мы все когда-нибудь встретим свою кончину, но твоя наступает прямо сейчас». Мне не хочется, чтобы это происходило. Я внимательно смотрю на свои стопы и вижу, как они превращаются в две лужицы, которые сразу же испаряются. За ними исчезают кисти рук. Я не испытываю боли, а только думаю: «Не стоит сопротивляться происходящему, мне же совершенно не больно. Я попросту постепенно таю». Однако мне хочется противостоять этому! Тем не менее я проснулась только после того, как полностью растворилась.

Миссис Кресни ерзает на стуле, при этом улыбка не сходит с ее лица. Интересно, а во сне она тоже улыбается?

– Давай поговорим о дальнейшей учебе.

Еще год назад примерно в это же время я с удовольствием беседовала о колледжах. Мы часто вместе с Элеонорой обсуждали данную тему уже после того, как мама и папа отправлялись спать. Мы устраивались поуютнее во дворе, если стояла теплая погода, или забирались в дом, если нас одолевал холод. Мы рассуждали о тех местах, куда когда-нибудь отправимся, о людях, с которыми познакомимся где-нибудь подальше от этого захудалого городишки Барт-

летт в штате Индиана с населением в четырнадцать тысяч девятьсот восемьдесят три человека. Здесь мы с ней чувствовали себя, как самые настоящие пришельцы с другой планеты.

– Ты решила попробовать поступить в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе, в Университет Флориды, Университет Буэнос-Айреса, Северный Карибский университет и даже в Университет Сингапура. Весьма разнообразный список, но, скажи мне, куда из него подевался Нью-Йоркский университет?

Летом, закончив шестой класс, я начала мечтать о том, чтобы поступить в Нью-Йоркский университет на то отделение, где готовили писателей и где оценили бы мой творческий подход к любому делу. Это произошло как раз после того, как я съездила в Нью-Йорк вместе с мамой, которая у нас и профессор в колледже, и одновременно писательница. В то время она должна была получать степень в Нью-Йоркском университете, и поэтому, пока она готовилась на протяжении трех недель, мы вчетвером жили вместе с ней и часто встречались с ее бывшими учителями и одногруппниками – прозаиками, сценаристами, драматургами и поэтами. Я собиралась поступать именно туда и намеревалась подать заявление уже в октябре. Но потом произошла катастрофа, и я изменила свое решение.

– Я пропустила все сроки подачи заявок. – С того времени прошла неделя. Я все подготовила и даже написала требуемый очерк, но отсылать его не стала.

– Давай поговорим о твоем творчестве. О веб-сайте.

Она имеет в виду сайт, который называется «Ее сестра». Мы вместе с Элеонорой разработали его сразу после того, как переехали жить в Индиану. Мы намеревались со временем создать и онлайн-журнал, в котором рассматривались бы одновременно два (весьма) различных мнения по поводу моды, красоты, парней и жизни вообще. В прошлом году подруга Элеоноры по имени Джемма Стерлинг (своего рода тоже звезда Интернета) упомянула сайт в своем интервью, и число наших читателей утроилось. Но с того времени, как Элеонора погибла, я больше не прикасалась к нему. Какой в этом смысл? Он был посвящен обеим сестрам. Теперь сайт потерял актуальность, да я бы и не нашла нужных слов.

– Я не хочу говорить об этом.

– Если не ошибаюсь, твоя мать – писательница. Наверное, она часто помогает тебе советами.

– Джессамин Уэст как-то сказала: «Писательский труд непомерно тяжел. Так что все писатели, пройдя через ад на земле, непременно избегнут наказания после жизни…»

Эти слова ее воодушевляют.

– А у тебя возникло чувство, что тебя наказывают? – Миссис Кресни имеет в виду катастрофу. Или она сейчас говорит о том происшествии, из-за которого я оказалась в данный момент в ее кабинете. Или в этой школе. Или даже в этом городе.

– Нет. – А не кажется ли мне, что я в действительности заслуживаю наказания? Скорее всего, да. Иначе с какой стати я бы выстригла себе эту дурацкую челку?

– Как считаешь, в том, что случилось, есть доля твоей вины?

Я рассматриваю свою челку. Криво обрезала.

– Нет.

Психолог откидывается на спинку стула. При этом ее улыбка становится менее широкой, правда, буквально на пару миллиметров. Мы обе прекрасно понимаем – я беззастенчиво лгу. Интересно, а как бы она отреагировала на то, что буквально час назад меня уговорили уйти с опасного выступа на колокольне. Но, как мне кажется, пока миссис Кресни остается в неведении относительно этого события.

– Ты уже сидела за рулем?

– Нет.

– А вместе с родителями на машине каталась?

– Нет.

– Но им этого хочется. – Это не вопрос. Она произносит это с такой решительностью, будто кто-то из них (а может, и оба) попросил ее уговорить меня проехаться вместе с ними куда-нибудь. Скорее всего так оно и было. Я представила, как родители вместе с психологом обсуждают меня. На их лицах горестное выражение, в глазах – беспокойство.

– Я не готова. – Вот они, эти три волшебных слова. Благодаря которым, как мне удалось выяснить, я могу выпутаться практически из любой сложной ситуации.

Она подается вперед, приближаясь ко мне.

– Ты уже думала о том, чтобы снова стать нашим чирлидером?

– Нет.

– А войти в состав ученического совета?

– Нет.

– Ты продолжаешь играть на флейте в оркестре?

– У меня самая незначительная партия. – Наверное, это единственное, что не изменилось со времени катастрофы. Впрочем, мне всегда давали самую крохотную партию, поскольку я не очень хорошо играю на флейте.

Миссис Кресни снова откидывается на спинку стула. На секунду мне даже показалось, что она сдалась. Но затем до меня доносится ее голос:

– Я волнуюсь за твои успехи, Вайолет. Честно говоря, они должны быть более серьезными. Ты не сможешь всю жизнь обходиться без автомобиля. Особенно зимой. Ты продолжаешь топтаться на месте. Тебе следует почаще напоминать себе о том, что ты осталась в живых, и это означает…

Наверное, я так никогда и не узнаю, что же это означает. Потому что как только я слышу слова «остаться в живых», я встаю со своего места и покидаю кабинет.

Я иду по школьному коридору. Тороплюсь на четвертый урок.

Человек пятнадцать – некоторых я знаю, других нет, а кое с кем я вообще не разговаривала вот уже несколько месяцев – останавливают меня по дороге в кабинет и начинают шумно расхваливать. В общем, оказывается, я молодчина, потому что не побоялась остановить Теодора Финча, решившего покончить с собой. Корреспондент из школьной газеты мечтает взять у меня интервью.

Из всех учеников школы Бартлетта меня угораздило спасти именно Теодора Финча. Хуже и не придумаешь, потому что именно этот парень является в буквальном смысле нашей местной легендой. Я не знаю его, но знаю о нем. Каждый знает о нем. Некоторые ученики ненавидят его, потому что считают странным. Финча тянет на драки и прочие выходки, за что его грозят исключить из школы, но он продолжает делать то, что хочет. Другие его боготворят, потому что точно так же считают его странным парнем, которого тянет на драки и прочие выходки, за что его грозят исключить из школы, но он продолжает делать то, что хочет.

Он играет на гитаре и входит в состав пяти или даже шести разных групп, а в прошлом году он даже побил рекорд в этой области. Но он в то же время какой-то… экстремальный, что ли. Постоянно находится на пределе, на грани. Однажды он пришел в школу, выкрасившись красной краской. Целиком, от пальцев ног до самой макушки. А у нас в это время шли обычные уроки. Ни карнавала, ни Нового года, ни даже Хеллоуина не предвиделось… Одним он тогда сказал, что выступает против расизма, а другим – будто он протестует против употребления в пищу мяса животных. Когда-то давно, еще в младших классах, он в течение целого месяца приходил на уроки в длиннющем плаще до пят с капюшоном. Это именно он сломал пополам партой школьную доску. Потом он же выкрал всех вскрытых лягушек из лаборатории и устроил им пышные похороны на школьном бейсбольном поле. Великая Анна Фэрис как-то сказала, что для того, чтобы пережить школьные годы успешно, надо непременно «залечь на дно и не высовываться». Финч использует противоположный прием.

Я на пять минут опоздала на урок русской литературы, на котором миссис Махоун дает задание написать сочинение о произведении «Братья Карамазовы» объемом не менее десяти страниц. Со всех сторон слышны мученические стоны. Весь класс страдает, кроме меня. И не важно, что при этом считает миссис Кресни. В любом случае у меня исключительные обстоятельства.

Я не слушаю миссис Махоун, пока она объясняет, что именно надеется прочитать в сочинениях. Вместо этого я нахожу на юбке длинную ниточку и пытаюсь аккуратно ее оторвать. У меня начинается головная боль. Может быть, это из-за очков. У Элеоноры зрение было хуже, чем у меня. Я снимаю очки и кладу их перед собой на парту. На ней они смотрелись стильно. На мне они выглядят просто отвратительно. Особенно в сочетании с этой кривой челкой. Но, возможно, если я буду носить эти очки долго-долго, то начну походить на нее. Я смогу видеть то, что видела она. Я смогу стать нами обеими одновременно, и тогда никому не нужно будет тосковать по ней. В первую очередь – мне самой.

Самое главное, что в жизни бывают хорошие и плохие дни. Я чувствую себя виноватой, когда заявляю, будто не такие уж они и плохие. Иногда меня застают врасплох – я смотрю телешоу, смеюсь над удачной шуткой отца или остроумным замечанием одноклассника… Я могу смеяться так, словно в моей жизни не произошло ничего трагического. И я в такие минуты чувствую себя прекрасно, что бы там ни было у меня на душе. Иногда по утрам, собираясь в школу, я начинаю петь как ни в чем не бывало. Случается и такое, что я специально включаю музыку, чтобы немного потанцевать. Чаще всего я добираюсь до школы пешком. Изредка сажусь на велосипед, порой я начинаю подумывать о том, что я, как самая обыкновенная девчонка, могла бы уже и сесть за руль автомобиля.

Кто-то тычет мне в спину и передает записку. Из-за того, что в начале каждого урока миссис Махоун отбирает у нас телефоны, мы вынуждены общаться старомодным образом и писать друг другу записки на бумаге, выдранной из тетрадок.

«Это правда, что ты спасла Финча и не дала ему покончить жизнь самоубийством? Некто Райан». У нас в классе всего один Райан. Кое-кто даже привык считать, что Райан – один-единственный не только на всю школу, но даже и на весь мир. И зовут его Райан Кросс.

Я смотрю в его сторону – он сидит от меня через два ряда – и тут же встречаюсь с ним взглядом. Он очень хорош собой. Широкоплечий, с копной золотисто-каштановых волос, зелеными глазами и веснушками. Из-за этой особенности в его внешности создается впечатление, что Райан весьма досягаемая личность, и к нему можно запросто подойти и завязать знакомство. Мы с ним встречались некоторое время, и он официально считался моим бойфрендом, но в декабре решили сделать перерыв.

Я кладу записку на парту и выжидаю минут пять, прежде чем ответить на нее. Наконец, я пишу следующее: «Я просто оказалась рядом. Некто В.» Не проходит и минуты, как записка снова возвращается ко мне, но на этот раз я не спешу разворачивать ее. Я размышляю над тем, сколько же девчонок только и мечтает о том, чтобы получать записки от Райана Кросса. И среди них могла бы быть и Вайолет Марки. Но только прошлогодняя, а не сегодняшняя.

Звенит звонок, но я не тороплюсь. Райан немного задерживается в классе, глядя в мою сторону. Я продолжаю сидеть за своей партой, и тогда он, прихватив свой телефон, выходит в коридор.

– Ты что-то хотела, Вайолет? – интересуется миссис Махоун.

Десять страниц сочинения раньше для меня не составляли проблем. Причем, когда учитель просил десять, я писала двадцать. Если требовалось двадцать, я выдавала все тридцать. Сочинять у меня получалось лучше всего. Даже лучше, чем быть дочерью, подругой или сестрой. Сочинять – это действительно мое. Но сейчас это стало тем, чем я просто не могу заниматься.

Мне не нужно ничего отвечать, даже «я не готова». Существуют неписаные правила для учителей. И все они прекрасно понимают, что я потеряла любимого человека. Несмотря на то, что с того дня прошло уже девять месяцев, я переживаю далеко не лучшие времена.

Миссис Махоун вздыхает и протягивает мой телефон.

– Напиши страничку, Вайолет, или хотя бы один абзац. Постарайся.

Исключительные обстоятельства опять здорово выручили меня.

В коридоре ждет Райан. Такое чувство, что он все время пытается решить головоломку о том, как снова начать встречаться и превратить меня в прежнюю беззаботную подружку, которую он знал.

– Ты сегодня прекрасно выглядишь, – произносит он и старается не пялиться на мою кривую челку.

– Спасибо.

За спиной Райана с важным видом показывается Теодор Финч. Он кивает мне с таким загадочным видом, будто знает нечто, чего не знаю я, и проходит мимо.

Финч
6-й день бодрствования (все еще)

К обеду новость разнеслась по всей школе. Все только и говорят о том, как Вайолет Марки спасла Теодора Финча, не дав ему спрыгнуть с колокольни и покончить жизнь самоубийством. По пути в кабинет географии я нагоняю группу девчонок, которые продолжают обсуждать поступок Вайолет снова и снова, не имея даже представления о том, что я и есть тот самый Теодор Финч, которому они сейчас промывают кости.

У них такие тонкие голоса и манера говорить, повышая интонацию в конце предложения, что каждая фраза звучит как вопрос. И получается нечто вроде:

– Я слышала, у него был с собой пистолет?

– Я слышала, ей пришлось даже выбить его у Финча из руки?

– Моя двоюродная сестра Стейси учится в Нью-Касле, так вот она говорила, что они с подружкой поехали в Чикаго, и он там играл в клубе, а потом начал клеиться прямо к ним обеим?

– Мой брат видел, как Финч запускал фейерверки, и когда приехала полиция, он не давал им себя поймать и все твердил, что сейчас будет самое интересное, и просил досмотреть до конца.

Они считают меня опасным для общества, какой-то ходячей катастрофой. Впрочем, так оно и есть. Все верно. Я пришел в себя, я снова с вами, я нахожусь в стадии бодрствования, и всем теперь придется терпеть это, потому что я и есть главный фрик и второе пришествие.

Я наклоняюсь к ним и произношу:

– А я слышал, что это он ее спас.

И спокойно продолжаю свой путь в класс.

Войдя в кабинет, я тут же занимаю свое место, чувствуя себя одновременно и непобедимым злодеем, и счастливчиком, которому только что удалось избежать смерти. Мне и неловко, и в то же время приятно. Я оглядываюсь по сторонам, но меня будто никто и не замечает. Правда, не обращают мои одноклассники внимания и на мистера Блэка, нашего учителя. А этот тип в буквальном смысле самый большой человек из всех, кого мне только доводилось видеть на своем веку. У него красное, даже пунцового оттенка лицо, отчего кажется, что еще немного – и его хватит удар. А еще он хрипит, когда говорит.

Все то время, пока я живу в Индиане (а это вся моя жизнь, или годы страданий, как я их сам определил), оказывается, я обитал всего в нескольких километрах от самой высокой точки нашего штата. Никто мне об этом раньше не рассказывал: ни родители, ни сестры, ни учителя. Только сейчас, на уроке географии, проходя раздел «Прогулки по Индиане», я вдруг узнаю об этом замечательном факте. Да и то лишь потому, что в Бартлетте было решено расширить школьную программу, дабы «увлечь школьников историей родного края и привить любовь к нему, а также развивать в них гордость за то, что они все являются индианцами».

Ни убавить, ни прибавить, как говорится.

Мистер Блэк садится на свое место и прокашливается.

– Самый лучший способ… начать полугодие… это рассказать вам… о самой высокой точке нашего штата. – А так как мистер Блэк хрипит, мне трудно определить, насколько серьезное впечатление на него самого производит та информация, которой он сейчас поделится с нами. – Гора Хузир… имеет высоту около трехсот восьмидесяти метров над уровнем моря. Она находится… неподалеку от большого семейного дома… В две тысячи пятом году… скауты из Кентукки… получили разрешение обустроить там зону отдыха… где и поставили соответствующий знак…

Я поднимаю руку, но мистер Блэк предпочитает игнорировать меня. Он продолжает говорить, но руку я не опускаю, одновременно размышляя. А что, если я отправлюсь туда и заберусь на вершину этой горы? Станет ли мир выглядеть по-другому, если посмотреть на него с высоты в триста восемьдесят метров? Кажется, что это не очень высоко, но местные жители так гордятся этой достопримечательностью. Да и кто я такой, чтобы утверждать, будто триста восемьдесят метров не могут произвести достойное впечатление на человека?

Наконец, он кивает мне. При этом он так сильно сжимает губы, что может показаться, будто он их проглотил.

– Слушаю вас, мистер Финч. Вы что-то хотели сказать?

Он вздыхает так, как мог бы вздохнуть только столетний старик, и бросает на меня тревожный и недоверчивый взгляд.

– Я предлагаю совершить туда поход. Такое место трудно воспринимать, пока не увидишь собственными глазами. Это как, например, Большой Каньон. Чтобы полностью оценить его величие и красоту, необходимо побывать там. Предлагаю всем отправиться к горе Хузир, чтобы иметь возможность лично созерцать неповторимость Индианы. К тому же, по крайней мере, трое из нас по окончании этого учебного года собираются уехать из штата. А чем мы сможем потом похвастаться, кроме сомнительного среднего образования, полученного не в самой хорошей школе?

В моем монологе сарказма только процентов на двадцать, но мистер Блэк перебивает меня:

– Благодарю вас, мистер Финч. – Разумеется, эти слова обозначают нечто противоположное благодарности.

Я начинаю рисовать в тетради холмы и горы, отдавая дань нашей местной гордости. Я и сам не пойму, почему у меня они больше напоминают бесформенную массу, состоящую из каких-то непонятных змей, свалившихся на землю прямо с неба.

– Теодор прав в том… что некоторые из вас… покинут родные места… после окончания школы… и уедут куда-нибудь далеко. Но прежде… чем вы уедете… из нашего великого штата… вы должны изучить его… и увидеть все своими глазами.

Его речь прерывает шум. Кто-то опоздал на урок и теперь, войдя в кабинет, вдруг роняет на пол книгу. Эта нерадивая ученица пытается поднять ее, но в этот момент накреняется вся стопка учебников в ее руках, и все они так же шумно рассыпаются по полу веером. Следует всеобщий хохот. Мы же всего-навсего школьники, а это означает, что мы исключительно предсказуемы, и подобное происшествие кажется нам очень смешным. Мы смеемся по любому пустяку, особенно если при этом кто-то испытывает публичное унижение и готов провалиться от стыда сквозь землю. Сегодня это Вайолет Марки. Та самая Вайолет Марки с колокольни. Она краснеет, как помидор, и мне кажется, что ей хочется умереть на месте. Причем не спрыгнув с огромной высоты, а просто так, бормоча себе под нос что-то вроде: «О земля, прошу тебя, поглоти меня целиком и полностью!»

Мне знакомо это чувство. Я понимаю его даже лучше, чем свою мать или сестер, или даже Чарли Донахью. Мы с этим чувством не расстаемся в течение всей моей жизни. Так было, когда я получил перелом, неудачно ударив по мячу и рухнув на землю прямо перед Сьюз Хейнс. Или когда во время истеричного хохота из моего носа что-то вылетело и приземлилось прямо на Гейба Ромеро. Из всего седьмого класса надо было попасть именно на него!

Итак, потому что я знаю это чувство, и Вайолет готова вот-вот разрыдаться, я сталкиваю свои учебники на пол. Естественно, все взгляды переводятся на меня. Я наклоняюсь за ними и швыряю их в стены, окна, головы, а в заключение спектакля наклоняю свой стул и с грохотом оказываюсь на полу. Слышны смешки, аплодисменты и выкрики: «Фрик!»

Мистер Блэк беспомощно хрипит:

– Если это все… Теодор… я хотел бы продолжить.

Я выпрямляюсь, ставлю стул на место, собираю с пола все книги, снова нагибаюсь, успевая одновременно улыбнуться Вайолет. В ее глазах я читаю удивление, облегчение и, возможно, даже некоторое волнение. Мне хочется верить, что у нее тоже возник некий интерес к моей особе, но скорее всего я принял желаемое за действительное. Я обворожительно улыбаюсь, стараясь изобразить ту самую улыбку, которая безотказно действует на мою мать и из-за которой она готова простить не только мое позднее возвращение домой, но и любые странности. (Во всех других случаях я вижу, как она смотрит на меня – если вообще смотрит в мою сторону – и, как мне кажется, думает: «Откуда в тебе все это? От отца, наверное, откуда еще?»)

Вайолет улыбается мне в ответ. Мне сразу же становится лучше хотя бы от того, что лучше стало ей самой, и еще потому, что она улыбается мне, как будто я для нее становлюсь тем самым человеком, которого невозможно игнорировать. Получается, что я спасаю ее уже второй раз за один день. «Добросердечный Теодор, – обычно в таких случаях говорит моя мама и тут же добавляет: – Даже чересчур». Это уже критика, впрочем, именно так я и воспринимаю ее слова.

Мистер Блэк внимательно смотрит на Вайолет, потом переводит взгляд на меня:

– Как я уже говорил… ваш проект заключается в том… чтобы вы составили отчет-доклад… про две… или даже лучше три… достопримечательности штата Индиана. – Затем он начинает объяснять, что эти объекты мы будем выбирать сами, поэтому он нас ничем не ограничивает, предоставляя полную свободу действий. И не важно, как далеко будут расположены эти объекты и насколько сомнительна их историческая или географическая ценность. Наша задача – отправиться туда и увидеть все своими глазами, отснять на камеру, может быть, сделать видеосюжет, углубляясь при этом в историю края, а потом доходчиво объяснить ему, почему именно эти места заставляют нас гордиться тем, что именно мы являемся жителями штата Индиана. Если удастся объединить выбранные объекты каким-то образом, тем лучше для нас. На выполнение этого проекта нам выделяется вся оставшаяся часть полугодия, и отнестись к этому делу необходимо со всей серьезностью.

– Вы будете работать… в командах… по два человека. Это задание… составит треть… вашей зачетной работы перед окончанием школы…

Я снова поднимаю руку:

– А мы сами сможем выбрать себе напарника?

– Да.

– Тогда я выбираю Вайолет Марки.

– Вы сможете договориться об этом… вместе с ней после урока.

Я поворачиваюсь так, чтобы видеть Вайолет, положив локоть на спинку стула:

– Вайолет Марки, я хочу, чтобы ты стала моим партнером в этом проекте.

Теперь на нее смотрят и все остальные, отчего ее лицо начинает розоветь прямо на глазах. Она обращается к мистеру Блэку:

– Может быть, для меня найдется какой-нибудь другой проект, индивидуальный? Я могла бы, например, самостоятельно провести какие-нибудь исследования и написать полный отчет на эту тему. – Ее голос звучит тихо, но немного испуганно. – Я не готова…

– Мисс Марки, – перебивает ее учитель, – я собираюсь… оказать вам огромнейшую услугу… всей вашей жизни… и отказать вам в вашей просьбе.

– Отказать?

– Да. Начинается новое полугодие… И вам пора… возвращаться к нашим баранам!

Кое-кто смеется над его шуткой. Вайолет смотрит прямо на меня, и теперь я отчетливо читаю в ее взгляде самый настоящий страх. Только теперь я вспоминаю про катастрофу. Она связана как-то с Вайолет и ее сестрой. Это случилось прошлой весной. Вайолет выжила, а ее сестра погибла. Вот почему она старается избегать внимания к своей особе.

Во время оставшейся части уроки мистер Блэк рассказывает нам о тех местах, которые могли бы нам понравиться. Причем, по его мнению, мы обязательно должны побывать там, и не важно, уедем ли мы после школы отсюда или нет. В общем, он перечисляет те места, которые рекомендуются туристам: прерия Коннор, дом Леви Коффина, музей Линкольна, дом Джеймса Уиткомба Райли, где он провел детство. Правда, я-то сам прекрасно понимаю, что большинство из нас проведет остаток своей жизни именно здесь, в этом захудалом городишке.

Я снова пытаюсь поймать взгляд Вайолет, но она больше не поднимает глаз на меня. Наоборот, она вжалась в стул, глядя прямо перед собой.

На выходе из класса меня уже поджидает Гейб Ромеро, и, разумеется, он, как всегда, не один. За ним стоит Аманда Монк, вызывающе уперев руки в бока, ее окружают Джо Виатт и Райан Кросс, местная звезда бейсбола. Райан хороший парень, общительный, порядочный, спортсмен и отличник, староста класса. Но у него есть и отрицательная черта. Дело в том, что он уже с детсадовского возраста понял, кто он такой и что именно собой представляет.

– Ты на меня так больше не смотри, – предупреждает Роумер.

– А я и не на тебя смотрел. Поверь мне на слово, но в этом кабинете существует не менее сотни предметов, на которые мне гораздо интереснее смотреть, чем на тебя. Между прочим, туда также входит и голая задница мистера Блэка.

– Педик.

Так как мы с Роумером считаемся заклятыми врагами уже много лет, он, не колеблясь, выбивает из моих рук учебники. И хотя эта выходка не котируется даже у пятиклассников, я чувствую, как во мне разрывается черная граната гнева – какое знакомое чувство! – и черный ядовитый дым расходится по всей грудной клетке. Точно такие же чувства я испытывал и в прошлом году за несколько мгновений до того, как схватил парту, поднял ее в воздух и швырнул прочь. Нет, не на Роумера – это только он привык считать себя центром Вселенной, полагая, что все вокруг происходит именно из-за него. Нет, я целился в школьную доску в кабинете мистера Джири, в нее я и попал.

– Поднимай их теперь, болван. – С этими словами Роумер проходит мимо меня, не забывая при этом больно толкнуть меня плечом в грудь. Мне хочется зажать его голову в шкафчике, залезть ему в горло глубоко-глубоко и вынуть его сердце, разумеется, через рот. Это происходит потому, что в фазе бодрствования все в тебе оживает и требует немедленно наверстать упущенное.

Но вместо этого я считаю ровно до шестидесяти, налепив на свое дурацкое лицо еще более идиотскую улыбочку. «Меня не оставят после уроков. Меня не исключат из школы. Я буду паинькой. Я буду тихим и послушным. Я буду вести себя спокойно».

Мистер Блэк наблюдает за нами, стоя в дверях своего кабинета, и я кивком даю ему понять, что все в порядке, я полностью контролирую ситуацию, нет никакой опасности, руки у меня не чешутся, кожа не зудит, кровь в висках не стучит, и он может спокойно отправляться по своим делам. Я дал себе слово, что этот год станет для меня другим. Отдавая отчет происходящему, а это включает в себя все мои поступки, я буду постоянно бодрствовать и всегда находиться здесь, а не только наполовину здесь. Всегда и во всем.

Дождь кончился, мы с Чарли Донахью расположились на стоянке, прислонившись к его машине под блеклым диском январского солнца. Мы беседуем о том, что на этом свете Чарли любит больше всего, не считая себя. Мы говорим о сексе. Рядом стоит наша подруга Бренда и внимательно слушает. Она прижимает книги к своей очень большой груди. Ее волосы отливают то розовым, то красным.

На зимних каникулах Чарли работал в кинотеатре, куда проводил бесплатно всех хорошеньких девчонок, что предоставило ему массу возможностей поразвлечься, даже слишком много, особенно на последнем ряду, где у кресел отсутствуют подлокотники.

– Ну а у тебя что? – спрашивает он у меня.

– А что у меня?

– Ты чем занимался?

– Да так, ничем. Мне просто не хотелось ходить в школу, я выехал на шоссе и помчался, куда глаза глядят. – Не буду же я объяснять своим друзьям про фазу сна. Зачем? Даже если бы я смог, какой в этом смысл? И вот что мне особенно нравится в Чарли и Брен – мне не надо им ничего объяснять. Я делаю что хочу, и все. Они только пожмут плечами – это же Финч, что тут говорить!

– Тебе надо хорошенько потрахаться, – со знанием дела кивает Чарли. Он таким образом хочет напомнить мне о происшествии на колокольне. Если я хорошо потрахаюсь, то, по его мнению, оставлю мысли о самоубийстве. Если верить Чарли, то это универсальный выход из любой сложной ситуации. Получается, что если бы все крупные политические деятели регулярно трахались, то в мире скорее всего исчезли бы все проблемы.

– Ты самая настоящая свинья, Чарли, – хмурится Бренда.

– Ты так говоришь, потому что влюблена в меня.

– Тебе так хочется думать. Почему ты не ведешь себя так же, как Финч? Вот он – настоящий джентльмен.

Немногие смогли бы назвать меня именно так, но это мне как раз и нравится, что между собой мы можем становиться все время кем-то другим.

– Пощади меня, – вздыхаю я.

Но Брен отчаянно качает головой:

– Нет, я совершенно серьезно. Джентльмена сейчас не часто встретишь. Они стали такими же уникальными, как девственники или лепреконы. Если я когда-нибудь выйду замуж, то только за одного из них.

– Не могу удержаться, чтобы не уточнить: за девственника или лепрекона?

Она больно бьет меня по той части руки, где у мускулистых мужчин расположены мышцы.

– Существует разница между джентльменом и никаким мужчиной. – Чарли вновь кивает мне и тут же добавляет: – Только без обид, приятель.

– А я и не думал обижаться. – Это правда, по сравнению с ним, мне ужасно не везет с женщинами. Именно это он и хотел сказать. Поначалу вы можете подумать, что мой рост компенсирует остальные мои недостатки, но давайте смотреть правде в глаза. Дело в том, что моя репутация летит далеко впереди меня (по крайней мере, в Бартлетте), и в довершение всего у меня просто отвратительный вкус. Меня увлекают настоящие стервы или недотроги, или такие, о которых я даже и мечтать не смею. Гораздо больше мне везет с незнакомками.

Так или иначе, но я уже почти не слушаю их, потому что за спиной Брен я снова замечаю ее – Вайолет. Я уже чувствую, что влюбляюсь в нее, причем увязаю глубоко, по самые уши. Со мной такое уже приключалось неоднократно. (Это были Сьюз Хейнс, Лайла Коллман, Оливия Риверс, три Брианы – Бриана Харли, Бриана Бейли и Бриана Будро…) И все только из-за того, что она улыбнулась мне. Но это была чертовски очаровательная улыбка. Искренняя, которую сейчас и не встретишь. Особенно в адрес меня, Теодора Фрика, обитателя страны Отклонение.

Брен поворачивается, пытаясь посмотреть, что такого я за ней увидел. Потом она бросает на меня презрительный взгляд и ядовито ухмыляется. Я инстинктивно прячу от нее руку.

– Все вы, мужики, одинаковые, – бросает она.

Дома мама разговаривает по телефону, одновременно размораживая очередную порцию запеканки, которую готовит моя сестра Кейт в начале каждой недели. Заметив меня, мама удивленно приподнимает брови, не прерывая разговора. Кейт сбегает вниз по лестнице, выхватывает у меня из руки ключи от машины и бросает на ходу:

– Все потом, лузер.

В общей сложности у меня две сестры – Кейт, она всего на год старше меня, и Декка, ей восемь. Совершенно ясно, что она явилась ошибкой, это она сама выяснила в возрасте шести лет. Правда, все мы понимаем, что если кто тут и ошибка, так это точно я.

Я поднимаюсь наверх, мокрые ботинки противно скрипят на ступеньках, и громко захлопываю дверь в свою комнату. Я достаю старую виниловую пластинку и, не глядя на конверт, ставлю ее на такой же древний проигрыватель, найденный в подвале. Пластинка подпрыгивает на царапинах и звучит так, будто я решил послушать музыку двадцатых годов прошлого столетия. Но мне хочется просто представить себя школьником восьмидесятых, может быть, именно там Теодор Финч оказался бы к месту.

Порывшись в ящиках стола, я нахожу сигарету, сую ее в рот, и пока пытаюсь отыскать зажигалку, вдруг вспоминаю, что мой Теодор Финч из восьмидесятых не курит. Боже, как же я его ненавижу – этого приглаженного чистюлю. Я оставляю сигарету незажженной, теперь пытаясь просто высосать из нее весь никотин, беру в руки гитару, некоторое время играю на ней, потом откладываю в сторону и перехожу к компьютеру. Перед этим я поворачиваю стул задом наперед, потому что только так я могу сосредоточиться по-настоящему.

Я пишу:

Пятое января. Метод: школьная колокольня. По десятибалльной шкале оценка «как близко я подошел к решению проблемы» – пять баллов. Прыжки с высоты учащаются во время полнолуния и в праздники. Одним из самых известных прыгунов был Рой Раймонд, основатель *«Виктория сикрет». Известный факт: в 1912 году некто Франц Райхельт спрыгнул с Эйфелевой башни, одевшись в плащ-парашют, который сам и разработал. Он прыгнул с целью испытания своего изобретения, полагая, что полетит. Но вместо этого он упал вниз и ударился о землю, словно метеор, оставив после себя углубление в пятнадцать сантиметров. Хотел ли он покончить жизнь самоубийством? Сомнительно. Мне кажется, он был слишком самоуверенной личностью и к тому же дураком.*

Небольшое исследование с помощью Интернета доказывает, что, по мнению психиатров, лишь от пяти до десяти процентов всех самоубийств совершаются путем прыжка с высоты. Очевидно, что такой способ выбирается только из-за простоты его выполнения. По этой же причине стали популярными такие места, как Сан-Франциско с его мостом Золотые Ворота (место назначения самоубийц номер один во всем мире). А у нас тут всего-навсего какая-то неубедительная городская башенка да холм высотой чуть менее четырехсот метров.

Я пишу:

Причины, по которым не стоит прыгать: слишком отвратительное зрелище. Слишком публично. Слишком многолюдно.

Потом я закрываю «Гугл» и перехожу в «Фейсбук». Здесь я сразу же нахожу страничку Аманды Монк, потому что она дружит со всеми, даже с теми, кого терпеть не может. Я нахожу бесконечный список ее друзей и ищу Вайолет.

Так и есть, вот она. Кликаю мышкой на ее фото, и вот она появляется сама, еще больше и эффектнее, и улыбается точно так же, как улыбалась недавно мне. Но чтобы посмотреть информацию о ней и другие фотографии, нужно стать ее другом. Я сижу, уставившись в экран,

и понимаю, что мне очень хочется узнать о ней побольше. Кто она такая – эта Вайолет Марки? Я снова открываю «Гугл», стараясь отыскать там тайный способ входа в «Фейсбук». Может, это какой-то особый цифровой код или кодовое слово. В общем, я ищу легкий путь.

Но вместо этого я нахожу какой-то странный сайт, который называется «Ее сестра», где Вайолет Марки указана как соавтор, редактор и один из его создателей. Там все, как положено, – парни, красота, мода, но все записи сделаны до двенадцатого апреля прошлого года. И еще мне удается отыскать небольшую газетную статью из рубрики «Новости»:

Элеонора Марки, восемнадцатилетняя ученица выпускного класса в школе Бартлетт, не справилась с управлением своего автомобиля на Чапел-роуд приблизительно в час ночи тринадцатого апреля. Превышение скорости и скользкая дорога могли стать причиной катастрофы. Элеонора погибла при ударе. Ее шестнадцатилетняя сестра Вайолет, находившаяся в том же автомобиле на пассажирском сиденье, отделалась незначительными ушибами и ссадинами.

Я сижу и снова и снова перечитываю эту статью, и внутри меня зарождается гнетущее чувство. Потом я делаю то, чего поклялся никогда не делать. Я регистрируюсь в «Фейсбуке», чтобы иметь возможность отправить ей сообщение. Создавая аккаунт, я начинаю казаться общительным и нормальным. Может быть, мне удастся сразу же решить вопрос о самоубийствах и колокольне, а она поймет, что со мной можно иметь дело, и это совершенно безопасно. Я фотографируюсь с помощью своего телефона и сразу же решаю, что у меня чересчур серьезный вид, снимаюсь во второй раз – теперь я слишком уж беспечный и какой-то придурковатый. Наконец, я останавливаюсь на третьем варианте, который представляет собой нечто среднее между первой и второй фотографиями.

Компьютер я перевожу в спящий режим, чтобы не проверять каждые пять минут, пришло мне сообщение или нет, а в это время играю на гитаре, прочитываю несколько страниц из «Братьев Карамазовых», которые нам задали на дом, ужинаю вместе с Деккой и мамой, что стало у нас в семье традицией после развода родителей. И хотя я не слишком большой любитель поесть, все же ужин – одно из самых приятных занятий в доме, потому что на это время я могу спокойно отключить свои мозги.

– Декка, расскажи мне, что ты выучила за сегодняшний день? – интересуется мама. Она привыкла спрашивать нас о школе, после чего чувствует себя честно выполнившей свой материнский долг. Так она обычно начинает ужин.

– Я поняла, что Джейкоб Барри – полный кретин, – совершенно серьезно сообщает Декка. В последнее время она стала довольно часто ругаться, ожидая от матери адекватной реакции, по которой можно будет понять, что та ее внимательно слушает.

– Декка, – мягко произносит мама, хотя слушает дочку лишь наполовину.

Декка продолжает рассказывать нам о том, как этот мальчик по имени Джейкоб приклеил свои ладони к парте, только чтобы не писать проверочную контрольную работу, а когда его начали отдирать от парты, у него слезла кожа с ладоней. Глаза при этом у Декки сверкают, как у маленького бешеного зверька. Она искренне считает, что парнишка заслуживает такого наказания, и прямо высказывает свое мнение о нем.

Неожиданно мама начинает проявлять интерес к рассказу дочери.

– Декка. – Она осуждающе качает головой.

Это максимум, на что способно распространиться ее родительское воспитание. С тех пор, как отец ушел из семьи, мама старается всегда и во всем сохранять хладнокровие. И все же мне жаль ее, потому что она до сих пор любит отца, хотя он по своей сути человек достаточно эгоистичный и вконец испорченный. Жаль еще и потому, что бросил он ее ради непонятной женщины по имени Розмари – ее имя даже пишется по-дурацки, с какой-то палочкой или чер-

точкой над какой-то буквой, и никто не помнит, над какой именно, и еще потому, что в тот день, когда он уходил, она кое-что сказала мне, а именно: «Никогда бы не подумала, что останусь одна в сорок лет». Это были не просто слова. В голосе матери слышались безысходность и безнадежность, словно уже больше ничто в ее жизни не могло измениться в лучшую сторону.

С тех пор я стараюсь делать в доме все так, чтобы угодить ей. Я веду себя тихо, пытаюсь оставаться незаметным, насколько это возможно. Это включает в себя даже то, что во время фазы сна я словно бы ходил в школу. Все делается для того, чтобы не стать для матери обременительной ношей. Правда, это мне удается не всегда.

– А у тебя как прошел день, Теодор?

– Великолепно. – Я раскладываю еду по тарелке, пытаясь создать некий узор. Прием пищи отличается еще и тем, что, кроме него, в жизни существует огромное количество куда более интересных дел. То же самое можно сказать о сне. Самая настоящая бесполезная потеря времени.

Интересный факт: один китаец умер от нехватки сна. Он не спал одиннадцать дней подряд, стараясь не пропустить ни один из матчей во время чемпионата Европы (чемпионат проводили по футболу – это для тех, кому, как и мне, невдомек, что такие бывают.) На одиннадцатую ночь он смотрел, как Италия побеждает Ирландию со счетом два – ноль, принял душ и заснул около пяти часов утра. И умер. Не хотелось бы обижать покойника, но футбол, по-моему, достаточно тупая игра, чтобы не спать из-за нее столько времени.

Мама даже перестает есть и начинает внимательно изучать мое лицо. Когда она обращает на меня внимание (а происходит это нечасто), она старается понять мою «грусть» так же, как она пытается сохранять спокойствие, когда Кейт всю ночь не появляется дома или когда Декку вызывают в кабинет директора. Мама считает, что в нашем плохом поведении виноват развод и отец, и уверена, что нам потребуется много времени для исправления.

Почти без сарказма я добавляю:

– Все как всегда. Никаких происшествий. Тоска зеленая. Как и любой другой день.

После этого мы переходим на нейтральные темы. Мы говорим о доме, который мама пытается продать своим клиентам, и в заключение о погоде.

Ужин закончен. Мама кладет руку мне на плечо. Ее пальцы чуть касаются моей кожи, и она говорит:

– Правда, здорово, что твой брат снова с нами, да, Декка?

Она произносит это так, будто существует реальная опасность, что я куда-то исчезну, причем произойти это должно прямо у них на глазах. В ее голосе звучат обвинительные нотки, отчего мне хочется съежиться, убежать к себе в комнату и оставаться там как можно дольше. Мама готова простить мне мою грусть, но вместе с тем ей хочется иметь возможность положиться на меня, как на мужчину в доме. И хотя она делает вид, что я все-таки посещал школу в тот период, длившийся почти пять недель, все же я умудрился пропустить множество семейных ужинов. Потом она убирает пальцы с моего плеча, и все мы становимся свободными. Так происходит каждый раз, и все мы счастливо разбегаемся в трех разных направлениях.

Около десяти часов, когда все легли спать, а Кейт еще не вернулась домой, я снова включаю компьютер и проверяю свой аккаунт в «Фейсбуке». И тут же узнаю о том, что Вайолет Марки согласилась принять меня в свои друзья.

Значит, мы теперь дружим.

Мне хочется кричать и прыгать по дому, может быть, даже забраться на крышу и раскинуть руки в стороны, но только не прыгать и даже не думать об этом. Но вместо этого я наклоняюсь ближе к экрану и начинаю перелистывать ее фотографии. Вот Вайолет улыбается с мужчиной и женщиной, скорее всего со своими родителями. Вот она улыбается с друзьями, вот

она улыбается на общем собрании, вот она улыбается с подружкой, прижавшись к ней щекой, а вот Вайолет улыбается совершенно одна.

Я вспоминаю фотографию Вайолет с девушкой из газеты. Это ее сестра Элеонора. Она снята в тех же самых массивных очках, которые надела сегодня сама Вайолет.

Неожиданно мне приходит сообщение.

Вайолет: «Ты устроил мне засаду, причем у всех на виду».

Я: «А ты бы согласилась работать со мной, если бы не эта засада?»

Вайолет: «Я бы выпуталась и ни с кем бы не стала работать. Почему ты хочешь, чтобы я вместе с тобой выполняла этот проект?»

Я: «Потому что наша гора ждет».

Вайолет: «Что бы это могло значить?»

Я: «Вот что. Может быть, ты никогда и не мечтала о том, чтобы изучать Индиану, но раз такое задание придумала для нас школа, и я выступил добровольцем… Ну ладно, я устроил на тебя засаду, чтобы только ты стала моим партнером, вот что я думаю… В моей машине есть карта, которую надо использовать, и мне кажется, что на ней отмечены именно те места, которые нам стоит посетить. Может быть, никто больше никогда не посетит их и не оценит по достоинству и даже не задумается о том, насколько они важны, может быть, даже самое крохотное местечко имеет значение. И даже если это не так, возможно, эти места могут что-то значить для нас. Самое малое – уехав отсюда, мы будем знать, что были там. Так что давай поедем туда! Надо решать проблемы с колокольней».

Она ничего мне не отвечает, и тогда я пишу: «Если ты хочешь поговорить, я всегда готов».

Молчание.

Я представляю Вайолет у нее дома, там, с другой стороны компьютера. Уголки ее идеальных губ чуть приподняты. Она улыбается экрану, несмотря ни на что, ведь ей все это уже не важно. *Вайолет улыбается.* Поглядывая на компьютер, я беру в руки гитару, начинаю сочинять слова, а мелодия придумывается сама собой.

Я все еще тут, и я испытываю чувство благодарности, потому что мне его тоже очень не хватало. Иногда это так здорово – бодрствовать.

– И не сегодня, – напеваю я. – Она ведь улыбнулась мне.

Правила Финча в походе

1. Правил не существует, потому что в жизни и без того слишком много правил.

2. Но есть три общих направления (а это звучит уже не так категорично, как правила):

а) не использовать телефоны, когда будем добираться до нужного места. Делать это надо по старинке, а это означает, что мы должны научиться ориентироваться по карте;

б) мы можем специально выбирать место, куда отправимся, а можем просто довериться дороге и посмотреть, куда она нас приведет. Это означает, что нас ожидает и великое, и крохотное, и причудливое, и поэтическое, и прекрасное, и мерзкое, и удивительное. Такова и сама жизнь. Но в любом случае определенно и непременно все это не будет обыденным и скучным;

в) в каждом месте мы должны что-то оставить, вроде жертвоприношения или типа того. Это может напоминать тайник (есть в Интернете игра, предлагающая находить такие тайники с помощью навигатора). Но мы это

будем делать не столько ради игры, сколько для самих себя. Правила игры гласят: «Что-то забери, а что-то оставь». Как я это понимаю – мы должны забрать что-то из каждого места, тогда почему же, действительно, не оставить что-то в виде компенсации? Кроме того, это будет служить доказательством того, что мы тут побывали и оставили частицу самих себя.

Вайолет
153 дня до окончания школы

Вечер субботы, дом Аманды Монк

Туда я иду пешком, потому что он расположен всего в трех кварталах от моего дома. Аманда уверяет, что будем только мы с ней, Эшли Дунстон и Шелби Пэджет, потому что со Сьюз Аманда сейчас не разговаривает. Уже в который раз. Раньше Аманда была моей лучшей подругой, но с апреля я от нее отстранилась. Так как я перестала быть чирлидером, у нас теперь с ней мало общего. Мне даже странно думать, что у нас с ней вообще находятся общие темы для разговора.

Я совершила непростительную ошибку, сказав родителям, что отправляюсь к Аманде с ночевкой. Вот именно по этой причине я уже не могу отказаться от вечеринки и иду туда.

– Аманда прилагает все усилия, она поступает правильно, и тебе следует брать с нее пример, Вайолет. Нельзя использовать смерть своей сестры как вечную отговорку. Ты должна вернуться к нормальной жизни.

Да, на моих родителей моя спасительная фраза «я не готова» больше не действует.

Я прохожу по двору семьи Виатт и заворачиваю за угол. До меня сразу же доносятся звуки молодежной вечеринки. Дом Аманды светится разноцветными огоньками, как на Рождество. В окнах торчит разномастный народ. Такая же толпа веселится на лужайке. Отец Аманды владеет сетью магазинов, торгующих алкоголем. Это главная причина ее популярности. И еще тот факт, что Аманда легко дает.

Я жду на улице с сумкой через плечо и подушкой под мышкой. Чувствую себя шестиклассницей и послушной девочкой. Элеонора сейчас бы расхохоталась и подтолкнула меня к дому. Сама она к этому времени уже давно веселилась бы внутри. А я злюсь на нее, даже просто представляя подобную картину.

И все же заставляю себя зайти. Джо Виатт тут же протягивает мне что-то, налитое в красный пластиковый стаканчик.

– Пиво в подвале! – кричит он.

Кухню уже оккупировал Роумер вместе с другими бейсболистами и незнакомыми мне футболистами.

– Счет открыл? – спрашивает Роумер Троя Саттерфилда.

– Нет, старик.

– А ты вообще-то с ней целовался?

– Нет.

– А с какой-нибудь попкой знаком?

– Да, но, похоже, это произошло по ошибке.

Все дружно хохочут, включая самого Троя. И все вокруг очень громко разговаривают.

Я направляюсь в подвал. Аманда и Сьюз Хейнс – снова лучшие подруги – отдыхают на диванчике. Я нигде не вижу ни Эшли, ни Шелби, зато на полу почти с два десятка поддатых парней играют в какую-то непонятную для меня игру. Вокруг них пляшут девчонки, включая трех Бриан и Бренду Шенк-Кравиц, которая дружит с Теодором Финчем. Кое-где начинают уединяться парочки.

Аманда машет мне стаканчиком с пивом.

– Боже мой, тебе надо что-то срочно делать с прической! – Она говорит о кривой челке, которую я так неудачно выстригла. – И почему ты до сих пор не сняла эти очки? Я, конечно,

хочу помнить о твоей сестре, но у нее, помнится, был шикарный свитер. Почему бы тебе не носить его вместо этих дурацких очков?

Я ставлю стаканчик на стол, но подушку по-прежнему зажимаю под мышкой.

– У меня что-то живот прихватывает. Знаешь, пойду-ка я лучше домой.

Сьюз смотрит на меня своими огромными голубыми глазищами.

– А правда, что ты утащила Теодора Финча с колокольни?

До девятого класса она была Сьюзи, потом решила, что будет лучше, если отбросить «и». Теперь она у нас просто Сьюз.

– Правда. – Боже мой, как мне хочется, чтобы этот день поскорее прошел, и все о нем забыли.

Аманда смотрит на Сьюз.

– Я же говорила тебе! – победно произносит она и переводит взгляд на меня, тут же закатывает глаза к полотку и выдает: – Вот нечто подобное он все время вытворяет. Я знаю его чуть ли не с детского сада, но со временем он становится еще более непредсказуемым.

Сьюз делает глоток из своего стакана.

– А я его знаю даже еще лучше. – В ее голосе слышатся озорные нотки. Аманда шлепает ее по руке и тут же получает ответный шлепок. Сьюз уже обращается непосредственно ко мне: – Может быть, он и чудаковатый, но вот что я тебе скажу: этот парень знает, что делает. – Желание в ее тоне становится более заметным. – Не в пример всем этим занудам, которые сегодня здесь собрались.

Кто-то из зануд мгновенно реагирует, выкрикнув:

– Почему бы тебе не присоединиться к нам и не проверить это лично, стерва?

Аманда снова шлепает Сьюз. Я неловко поправляю ремень от сумки на плече.

– Я очень рада, что оказалась там.

Если точнее, я очень рада, что он оказался там, прежде чем я свалилась с колокольни и убилась на глазах у всех. Я даже не могу себе представить своих родителей, как бы им пришлось туго после смерти своего единственного остававшегося в живых ребенка. И это была бы даже не случайная смерть, а глубоко продуманная. Вот почему я пришла сюда без споров и отговорок. Мне стыдно за то, какому кошмару я их могла подвергнуть.

– Рада, что оказалась где? – Роумер появляется в дверях с ведерком льда, в котором уложено несколько бутылок пива. Он с грохотом опускает его на пол, при этом льдинки разлетаются по всему помещению.

Сьюз, прищурившись, как кошка, внимательно изучает его.

– На колокольне.

Роумер начинает пялиться на ее грудь и только усилием воли заставляет себя посмотреть в мою сторону.

– А зачем ты вообще туда забралась?

– Я опаздывала на урок английского языка и вдруг увидела, что он прошел в дверь в самом конце коридора, ту, которая ведет на колокольню.

– На английский? – удивляется Аманда. – Но это же у нас второй урок.

– Да, но мне нужно было увидеться с мистером Вайсонгом и кое-что спросить у него.

– Та дверь всегда закрыта на замок, – встревает в разговор Роумер. – Да к ней так просто не подобраться, она у них вечно забаррикадирована. Туда попасть сложнее, чем забраться к тебе в трусы, если верить слухам. – Он начинает хохотать, да так, что теперь его не остановить.

– Наверное, он подобрал ключ к замку. – Возможно, это была я сама. Как хорошо уметь притворяться невинной овечкой. Тогда тебе многое может сойти с рук. И тебя никто не будет ни в чем подозревать.

Роумер эффектно открывает бутылку пива и с шумом выпивает ее.

– Вот идиот! Надо было сказать ему, чтобы прыгал вниз. Он в прошлом году чуть не снес мне голову. – Это он вспоминает эпизод со школьной доской.

– Как думаешь, ты ему нравишься? – Аманда строит мне рожицу.

– Нет, конечно.

– Надеюсь, что нет. На твоем месте я была бы с ним поосторожнее.

Еще десять месяцев назад я бы уже сидела рядом с ними, пила пиво и органично вписывалась в их компанию, одновременно сочиняя про себя остроумные комментарии по поводу всего происходящего. Например: «Она так продуманно выдает свои фразы, просто как настоящий адвокат, строящий защиту и намеревающийся завладеть вниманием присяжных и повести их за собой. «Возражаю, мисс Монк». – «Прошу прощения. Пожалуйста, не придавайте значения моим словам». Но уже поздно. Дело сделано. Присяжные слышали эти слова и ухватились за них. Получается, если она ему нравится, она тоже не должна быть к нему равнодушной…»

Но сейчас я продолжаю стоять на месте. Мне скучно. Я здесь не в своей тарелке. Мне вообще кажется странным, что мы когда-то были с Амандой подругами. Воздух тут спертый, а музыка слишком громкая. Повсюду чувствуется запах пива. Еще немного – и меня начнет тошнить. И тут я замечаю Летицию Лопес, корреспондента нашей школьной газеты. Она решительно приближается ко мне.

– Мне действительно пора, Аманда. Завтра поговорим.

И прежде чем кто-то успевает отреагировать, я поднимаюсь по лестнице, выбираюсь из подвала и покидаю этот дом.

Последний раз на вечеринке я была в прошлом году, двенадцатого апреля. В ту же ночь погибла Элеонора. Музыка, огни, крики – все это словно вернуло меня в ту ночь. Я вовремя ушла сегодня, потому что едва успеваю отвести волосы от лица, сгибаюсь пополам, и меня тут же выворачивает наизнанку. Завтра кто-то подумает, что тут проходил очередной перебравший школьник.

Я нахожу в кармане телефон и отсылаю Аманде сообщение: «Прости меня. Мне действительно стало плохо. В.». Завернув за дом, я тут же налетаю на Райана Кросса. Волосы у него мокрые и взъерошенные, он одет в спортивную майку и шорты. У него стройное тело настоящего пловца: широкие плечи, узкая талия, плоский живот, загорелые ноги с крохотными золотистыми волосками на икрах. Глаза у Райана темные, большие и красивые, только сейчас они почему-то все в красных прожилках. Ну и, как положено у всех крутых парней, улыбается он всегда криво. Если же он улыбается нормально, у него появляются ямочки на щеках. Он идеален во всем, и я запомнила его именно таким.

Я же далека от совершенства. У меня имеются свои секреты. Я неряшлива. И это касается не только моей комнаты, я неряшлива сама по себе. А нерях никто не любит. Всем нравится только улыбающаяся Вайолет. Интересно, как бы отреагировал Райан, если бы узнал, что это Финч уговорил меня не прыгать вниз, а вовсе не наоборот. И что бы на это сказали все остальные.

Райан подхватывает меня и поворачивает к себе лицом вместе с подушкой и сумочкой. Он пытается поцеловать меня, но я уклоняюсь.

Впервые он поцеловал меня, когда кругом лежал снег. Снег в апреле! Добро пожаловать на Средний Запад. Элеонора была одета в белое, а я в черное, мы представляли собой контраст, этакие сестрички – одна – олицетворение добра, другая – зла. Иногда нас это забавляло. Элай, старший брат Райана, организовывал вечеринку. Пока Элеонора ушла к Элаю наверх, я осталась внизу потанцевать. Там были еще Аманда, Сьюз, Шелби и Эшли, а Райан стоял у окна. Это он тогда сказал: «Снег пошел!»

Я прошла через всю комнату, пританцовывая, минуя толпу, и тогда он, взглянув на меня, коротко произнес:

– Идем.

Вот и все.

Он взял меня за руку, и мы выбежали на улицу. Хлопья с неба валили тяжелые, как капли дождя. Они были белые, большие, сверкающие. Мы старались поймать их на кончик языка, а потом почему-то язык Райана оказался у меня во рту. Тогда я закрыла глаза, а снежинки продолжали падать на мои щеки.

Из дома все так же доносились крики и какой-то посторонний шум, будто что-то взрывалось или разбивалось. В общем, как это всегда случается на вечеринке. Руки Райана незаметно очутились у меня под майкой. Я помню их тепло, и даже во время поцелуя я думала: «А ведь я целую Райана Кросса». Ничего подобного до переезда в Индиану не происходило. Я сама просунула руки ему под рубашку. Кожа у него была горячая и очень гладкая. Именно такая, как я и ожидала.

Снег не переставал идти, в доме опять что-то прогрохотало. Наконец, Райан отстранился от меня, я посмотрела на него, потом на свою размазанную помаду на его лице. Тогда я могла думать только об одном: «Это моя помада на губах Райана Кросса. Боже мой!»

Жаль, что я не смогла сфотографировать себя в тот момент, иначе я запомнила бы себя прежней. То мгновение было последним чудесным событием перед тем, как все пошло не так, и моя жизнь изменилась навсегда.

Сейчас Райан держит меня так высоко, что ноги не касаются земли.

– Ты движешься в неправильном направлении.

Он несет меня к дому.

– Я уже заходила туда. Мне нужно идти домой. Я неважно себя чувствую. Поставь меня на землю.

Я слегка ударяю его, и он осторожно ставит меня на землю, потому что Райан очень милый молодой человек и всегда делает то, что ему говорят.

– Что случилось?

– Мне плохо. Меня только что вырвало. – Теперь я похлопываю его по руке так, будто он собака. Потом отворачиваюсь от него и торопливо пересекаю лужайку, оттуда иду вдоль по улице и заворачиваю за дом. Я слышу, как он зовет меня, но не оборачиваюсь.

– Что-то ты рано вернулась. – Мама лежит на диване, с головой погрузившись в книгу. Папа уселся у нее в ногах с закрытыми глазами и наушниками. Он углубился в музыку.

– Могла бы и еще раньше. – Я останавливаюсь у ступенек, ведущих наверх. – Вы сами понимаете, что это была глупая затея. Но я все равно туда пошла, чтобы вы поняли – я изо всех сил стараюсь поступать так, как вы хотите. Но это были не девичьи посиделки с ночевкой, а сама настоящая буйная вечеринка. И там они творят все, что заблагорассудится, вплоть до оргий. – Все это я выговариваю родителям, будто они во всем виноваты.

Мама толкает папу, тот быстро сдергивает с головы наушники. Они садятся рядом друг с другом на диван.

– Может, хочешь о чем-нибудь поговорить? – интересуется мама. – Я понимаю, это было неприятно. Почему бы тебе не посидеть немного с нами?

Как и Райан, мои родители представляют собой само совершенство. Они храбрые, сильные и заботливые. И хотя я знаю, что они, как и все остальные, кричат, сердятся друг на друга и, может быть, швыряются разными предметами, когда в доме никого нет, но я этого не вижу. Мама с папой побуждают меня выходить из дома и вновь сесть за руль, вернуться на дорогу, так сказать. Они внимательно выслушивают меня, задают адекватные вопросы и беспокоятся.

Мои родители, наверное, даже чересчур внимательны и заботливы. Им всегда надо знать, куда я направляюсь, чем занимаюсь, с кем встречаюсь и когда вернусь домой. «Когда доберешься, отправь сообщение. Когда будешь на пути к дому, тоже отправь сообщение», – постоянно напоминают они.

Я в принципе готова посидеть с ними, чтобы хоть немного утешить после того, что им пришлось пережить, и после того, что я чуть было не устроила вчера. Но я не могу.

– Я просто устала. Наверное, мне лучше лечь.

Половина одиннадцатого вечера. Я в своей спальне, в пижаме с малиновыми обезьянками и тапочках. Именно такая одежда у меня ассоциируется с уютным и надежным домом. На дверце шкафа висит календарь, и я зачеркиваю сегодняшний день черным маркером. Потом забираюсь на кровать, поудобнее устраиваясь среди подушек. На одеяле разбросано несколько книг. Так как я перестала писать, я теперь много читаю. *Читаю слова других людей – не свои – мои давно закончились.* Недавно я увлеклась произведениями сестер Бронте.

Я люблю тот мир, который представляет собой моя комната. Мне здесь комфортнее, чем снаружи, потому что только здесь я могу становиться тем, кем хочу. Я блистательная писательница. Я могу написать пятьдесят страниц за день, и слова у меня никогда не закончатся. Я студентка Нью-Йоркского университета и в будущем стану профессиональным прозаиком. Я создатель популярного интернет-журнала – не того самого, который мы вели вместе с Элеонорой, а совершенно нового. Я бесстрашна. Я свободна. И я в безопасности.

Я не могу решить, кто из сестер Бронте мне нравится больше. Не Шарлотта, наверное, потому что она похожа на мою учительницу в пятом классе. Эмили слишком стремительна и беспощадна, а Энн больше всего игнорируют. Я поддерживаю именно ее. Я читаю немного, а потом долгое время лежу на одеяле и смотрю в потолок. С самого апреля меня не покидает это странное чувство, как будто я жду чего-то. При этом я сама не имею ни малейшего понятия – чего именно я все-таки жду.

Через какое-то время я встаю. Чуть больше двух часов назад Теодор Финч у себя на стене в «Фейсбуке» разместил видеоролик, в котором он играет на гитаре и поет, как я догадываюсь, в своей комнате. Голос у него неплохой, но хрипловат, как будто он выкурил несколько сигарет подряд. Он согнулся почти пополам, черные волосы закрывают его глаза. Видимость не очень четкая, как будто он снимал себя на телефон. Это песня о парне, который прыгает с крыши школы.

Когда песня заканчивается, он говорит в объектив: «Вайолет Марки, если ты сейчас смотришь этот ролик, значит, ты все еще жива. Пожалуйста, подтверди». Я тут же выключаю видео, как будто он в этот момент может увидеть меня. Я хочу, чтобы вчерашний день и Теодор Финч вместе с колокольней исчезли. Насколько мне кажется, все это было плохим сном. Ужаснейшим. Самым страшным кошмаром в жизни.

Я отсылаю ему личное сообщение: «Пожалуйста, удали со своей стены или отредактируй то, что ты произносишь в самом конце, чтобы больше никто этого не видел и не слышал».

Он тут же отзывается: «Поздравляю! Получив от тебя сообщение, я прихожу к выводу, что ты жива! Раз с этим все ясно, я полагаю, нам нужно поговорить о произошедшем, тем более, что теперь мы стали партнерами в проекте. (Это видео кроме нас больше никто не увидит.)»

Я: «Со мной все в порядке. Мне бы хотелось оставить эту тему и вообще забыть о том, что произошло. (А как ты догадался?)»

Финч: «Я завел аккаунт только для того, чтобы пообщаться с тобой. А теперь, когда ты все увидела, видео самоуничтожится через пять секунд. Пять, четыре, три, два…»

Финч: «Обнови страницу».

Видео действительно исчезло.

Финч: «Если не хочешь разговаривать в «Фейсбуке», я могу подъехать к тебе».

Я: «Сейчас?»

Финч: «Через пять или даже десять минут. Мне сначала нужно одеться, если только ты не предпочитаешь видеть меня обнаженным. Еще потребуется время на дорогу».

Я: «Уже поздно».

Финч: «Зависит от того, что конкретно иметь в виду. Совсем не обязательно считать, что сейчас поздно. Я полагаю, что может быть и рано. Мы начинаем жить. Ночь только начинается. Сейчас начинается год. Если задуматься, то больше событий начинается, чем кончается. К тому же я предлагаю только поговорить. Я не собираюсь клеиться… Если, конечно, ты сама не захочешь, чтобы я клеился к тебе».

Я: «Нет, не надо».

Финч: ««Нет» означает, что ты не хочешь, чтобы я приезжал или чтобы я не клеился?»

Я: «И то и другое. Все, что ты говорил раньше».

Финч: «Хорошо. Можем поговорить и в школе. Может быть, даже на уроке географии записками. Или я отыщу тебя в обед. Ты же сидишь за столиком вместе с Амандой и Роумером, да?»

Боже мой! Как его остановить? Как мне от него отделаться?!

Я: «Если ты приедешь сегодня, ты можешь пообещать, что потом мы навсегда забудем эту тему?»

Финч: «Честное слово скаута».

Я: «Мы только поговорим. Больше ничего. И недолго».

Я написала это, но мне хочется тут же стереть эти слова. Аманда с компанией празднуют свою вечеринку буквально за углом. Любой из этой компании может случайно забрести сюда и увидеть его.

Я: «Ты еще здесь?»

Он не отвечает.

Я: «Финч!»

Финч
7-й день бодрствования

Я забираюсь в старенький «Сатурн» моей мамы, больше известный у нас в семье как Гаденыш, и держу путь к Вайолет Марки по проселочной дороге, которая идет параллельно Национальному шоссе, главной артерии нашего города. Я вдавливаю педаль газа до упора и ощущаю приятную дрожь внутри, глядя одним глазом на то, как стрелка спидометра резво ползет на отметку в сто километров, причем она сама начинает потихоньку вибрировать. «Сатурн» отлично себя ведет, как самая настоящая спортивная машина. Пятилетним мини-вэном его и не назовешь.

Двадцать третьего марта 1950 года итальянский поэт Чезаре Павезе писал: «Любовь – поистине великий манифест. Она вызывает желание быть, представлять собой нечто достойное, а если придет смерть, то погибнуть доблестно, как настоящий герой. Другими словами, оставить о себе светлую память». Меньше чем через полгода после этого он зашел в редакцию газеты и из фотоархива подобрал себе фотографию для некролога. Затем Павезе снял номер в гостинице, и уже несколько дней спустя горничная обнаружила его мертвым на кровати. Он был полностью одет, не хватало только обуви. Рядом на тумбочке лежали шестнадцать пустых упаковок снотворного и записка: «Я прощаю всех и сам прошу прощения у каждого. Договорились? И поменьше обо мне сплетничайте, пожалуйста».

Конечно, Чезаре Павезе никогда не ехал на большой скорости по проселочной дороге в Индиане, но я понимаю его желание быть и представлять собой нечто достойное. Правда, я не уверен, стоит ли снимать ботинки в незнакомой гостинице и глотать такое количество снотворного. А если он считает подобный способ доблестным и героическим, то у меня вызывает вообще большое сомнение, насколько правильно он понимал эти слова.

Я выжимаю из машины сто пятьдесят. Я успокоюсь, разогнавшись до ста шестидесяти. Не сто пятьдесят пять. И не сто пятьдесят семь, а именно сто шестьдесят. Сто шестьдесят или ничего.

Я наклоняюсь вперед, как будто я – ракета. Как будто я. Сам. И есть. Автомобиль. И я начинаю кричать, потому что отчетливо ощущаю каждое мгновение. Я чувствую прилив энергии, я чувствую все то, что происходит внутри меня и вокруг меня. Кровь пульсирует, сердце бьется в горле. Вот сейчас я могу погибнуть доблестно, героически, в огненном взрыве, среди обломков металла. Я продолжаю давить на газ, теперь я уже не в силах остановиться, потому что в эти минуты я быстрее любого существа на всей планете. Единственное, что сейчас имеет значение – это стремление двигаться вперед, ведь я лечу навстречу великому манифесту.

И в то самое мгновение, когда мое сердце готово взорваться, равно как и мотор, я убираю ногу с педали и плавно перелетаю через старый, покрытый бесконечными выбоинами, тротуар. Гаденыш несет меня по своей собственной воле на обочину. Мы взлетаем и с грохотом приземляемся, зависнув над кюветом. Я с трудом перевожу дыхание. Я поднимаю руки и вижу, что они ничуть не дрожат. Тогда я начинаю оглядываться вокруг, я смотрю на звездное небо, на поля, на темные спящие дома, и понимаю, что я все еще здесь. Поняли, вы, сукины дети? Я здесь. Я существую.

Вайолет живет через улицу от Сьюз Хейнс в большом белом доме с красной трубой в районе, расположенном в противоположной от нас части города. Я подкатываю на Гаденыше и вижу, что она сидит на крыльце, укутанная в огромное пальто, и выглядит совсем маленькой и одинокой. При виде меня она тут же вскакивает и мчится мне навстречу по тротуару, одновременно смотря по сторонам и куда-то вдаль, как будто ищет кого-то.

– Не нужно было так далеко ехать, – сообщает она мне шепотом, словно боится разбудить соседей.

– Ерунда. Вот если бы ты жила в Лос-Анджелесе или, скажем, в Цинциннати. Мне потребовалось всего пять минут, чтобы добраться сюда. Кстати, неплохой домик.

– Послушай, спасибо, конечно, что приехал, но я не хочу ни о чем разговаривать. – Она стянула волосы в хвост, но несколько непослушных прядей выбились, обрамляя лицо. Она быстро заправляет прядку за ухо. – Со мной все в порядке.

– Не пытайся даже обмануть профессионального обманщика. Я хорошо различаю крики о помощи, когда слышу нечто подобное, и могу сказать, что моя способность отговаривать от прыжков с колокольни – тому подтверждение, тебе не кажется? Кстати, твои родители дома?

– Да.

– Это плохо. Может, пройдемся? – И я делаю пару шагов по тротуару.

– Только не туда. – Она тянет меня за рукав, направляя в противоположную сторону.

– Мы кого-то боимся встретить?

– Нет. Там… просто вид лучше.

Я начинаю говорить как Эмбрион, насколько у меня это получается:

– И как давно у тебя появились первые мысли о самоубийстве?

– Боже мой! Говори потише. Но я и не думала… и не думала о…

– О самоубийстве. Можешь смело называть вещи своими именами.

– Как бы там ни было, я о нем не думала.

– В отличие от меня.

– Я совсем не то имела в виду.

– Ты забралась на колокольню и не знала, как вернуться и что вообще делать. Ты потеряла последнюю надежду. И вот тогда, как доблестный рыцарь, я спас тебе жизнь. Между прочим, без косметики ты выглядишь по-другому. Не плохо, но по-другому. Может быть, даже лучше. Так что же случилось с твоим сайтом? А ты всегда хотела стать писательницей? Расскажи мне немного о себе, Вайолет Марки.

Она отвечает, как робот:

– Да сказать особенно нечего. Наверное. Нечего сказать.

– Начнем с Калифорнии. Для тебя, наверное, тут все по-другому. Тебе здесь нравится?

– Что мне должно нравиться?

– Бартлетт.

– Нормальный город.

– А соседи?

– Тоже нормальные.

– Ну, это не слова человека, который только что был на грани смерти и теперь снова вернулся к жизни. Ты должна ощущать себя на вершине нашего затраханного мира. Я живу. И ты живешь. Мало того, сейчас ты здесь со мной. Я знаю, по крайней мере, одну девчонку, которая бы с радостью поменялась с тобой местами.

Она издает звук разочарования «Фр-р-р-р» (который, как ни странно, воодушевляет меня) и тут же добавляет:

– Что тебе нужно?

Я останавливаюсь возле фонаря. Очарование и мой бешеный темп исчезают одновременно.

– Мне нужно узнать, почему ты там оказалась. И еще я должен убедиться в том, что сейчас с тобой все в порядке.

– Если я тебе расскажу, ты уедешь домой?

– Да.

– И больше эту тему никогда не будешь поднимать?

– Все зависит от твоего ответа.

Она вздыхает и идет вперед. Некоторое время она молчит, поэтому я тоже не произношу ни слова, жду, что она начнет выговариваться. Единственным звуком сейчас остается чей-то включенный телевизор, да еще издалека доносятся звуки вечеринки.

Мы проходим пару кварталов, и тогда я сам завожу беседу:

– Все, что ты мне поведаешь, останется строго между нами. Может быть, ты еще не заметила, но про меня нельзя сказать, что я окружен друзьями. Даже будь так, все равно это не имело бы никакого значения. У этих болванов и без того хватает тем для сплетен.

Она набирает в грудь побольше воздуха:

– Когда я шла на колокольню, я ни о чем не думала. Больше походило на то, что мои ноги сами шагали куда-то, и я послушно следовала за ними туда, куда они меня вели. Раньше я ничего подобного не совершала. Хочу сказать, что там была не я. А потом я словно очнулась и увидела, что стою на том самом выступе. Я не понимала, что нужно делать, вот и начала паниковать.

– Ты о случившемся кому-нибудь рассказывала?

– Нет. – Она снова останавливается, и мне так хочется дотронуться до ее волос, которые развеваются вокруг ее лица. Она отводит их в сторону.

– Даже родителям?

– В первую очередь – только не родителям.

– Но ты до сих пор так и не рассказала мне, что же ты там делала.

Я, собственно, и не очень надеюсь на ее ответ, но она говорит:

– Это был день рождения моей сестры. Ей исполнилось бы девятнадцать.

– Вот черт… Прости, я не знал.

– Но это не причина. Причина в том, что все это не имеет никакого значения. Ни школа, ни то, что я была чирлидером. Никакие бойфренды и друзья не имеют значения, ни их вечеринки, ни мое желание учиться на писателя… – Она безнадежно отмахивается от всего мира. – Это всего лишь заполнение пустоты до тех пор, пока мы не умрем.

– Может быть. А может быть, и нет. Заполнение или нет, но я рад быть здесь. – Если я что-то и понял, так это то, что надо стараться жить на полную катушку и получать от нее все возможное. – Все-таки это имеет значение, потому что ты не прыгнула вниз.

– Могу я тебя кое о чем спросить? – Она уставилась себе под ноги.

– Конечно.

– Почему тебя называют Теодор Фрик?

Теперь я начинаю изучать землю, как будто это самое увлекательное занятие на всем белом свете. У меня уходит какое-то время на то, чтобы обдумать ответ и решить, что ей можно рассказать. «Честно говоря, Вайолет, я и сам не знаю, почему меня так называют». Ложь. Я знаю почему, но не понимаю этого. Я все время разный, но для меня быть разным – это вполне нормальное состояние. В конце концов, я решаю рассказать ей правду:

– В восьмом классе я был гораздо меньше, чем сейчас. Но это было еще до тебя, до того, как ты переехала жить сюда. – Я поднимаю на нее взгляд и жду, пока она мне не кивнет, потом продолжаю: – Уши у меня торчали в стороны. Кадык выступал. Локти было просто некуда девать, так они мешались. Но голос оставался писклявым. Только за лето перед старшими классами я вытянулся сразу чуть ли на полметра, как мне показалось.

– И это все?

– Да, и еще то, что я иногда говорю что-то или делаю, не подумав. А людям это не нравится.

Она молчит. Мы поворачиваем, и вдали я уже вижу ее дом. Я замедляю шаг, чтобы выиграть немного времени.

– Я знаю группу, которая играет в «Карьере». Можно пойти туда, согреться, послушать музыку и забыть обо всем. А еще я знаю одно местечко, откуда открывается отличный вид на город. – И я дарю ей одну из своих очаровательнейших улыбок.

– Я иду домой. Мне пора ложиться спать.

Меня всегда удивляло отношение людей ко сну. Я бы вообще никогда не спал, если бы имел такую возможность.

– Можно покататься.

– Как-нибудь потом.

Через минуту мы доходим до моей машины.

– А как ты вообще забралась туда? Когда я попробовал открыть дверь, она оказалась почему-то незапертой, хотя ее держат на замке.

– Может, я вскрыла замок. – Впервые за все время она улыбается.

Я присвистываю:

– Вайолет Марки, да в тебе таится больше, чем кажется на первый взгляд.

В одну секунду она оказывается на крыльце и скрывается в доме. Я жду, потом замечаю, что зажегся свет в одном из окон на втором этаже. Я вижу чей-то силуэт за занавеской. Это она. Я прислоняюсь к машине. Мне хочется посмотреть, кто первый сдастся. Я остаюсь на месте до тех пор, пока силуэт не отдаляется от окна и не гаснет свет в комнате.

Добравшись до дома, я ставлю Гаденыша в гараж и начинаю свою вечернюю пробежку. Зимой я бегаю, все остальное время года плаваю. Обычно я бегу по Национальному шоссе, мимо городской больницы и палаточного городка в направлении старого металлического моста, позабытого всеми на свете, кроме разве что меня самого. Я быстро пробегаю по его краю. Если мне удается при этом ни разу не упасть, значит, я жив и буду жить.

Бессмысленно. Глупо. Вот какие слова я привык слышать всю свою сознательную жизнь. Вот именно эти слова я пытаюсь обогнать и не пустить в себя. Иначе они заполнят всю мою сущность и останутся в ней навсегда. И тогда от меня останется только *бесполезный глупый бесполезный глупый бесполезный глупый фрик* . Вот почему нужно бежать как можно быстрее и заполнять себя другими словами. *На этот раз все будет по-другому. На этот раз я буду бодрствовать.*

Я пробегаю милю за милей, но я их не подсчитываю. Мимо один за другим мелькают дома. Мне жаль всех в этом городе, кто сейчас спит.

Домой я побегу другим путем, через мост. Но это уже другой мост – Стрит-бридж. Он соединяет центр города, его деловую часть с западным районом, поэтому по нему всегда движется транспорт. На западе как раз и расположена наша школа и колледж.

Тормозной след я замечаю сразу, даже несмотря на сгущающуюся темноту. Я иду по следам неведомого мне автомобиля. Черные, они извиваются и приводят меня к тому месту, где я вижу то, что осталось от каменной ограды. В стене зияет огромная дыра. Я бегу к концу моста и врезаюсь в траву. Отсюда начинается спуск к набережной высохшей реки, сплошь усеянной окурками и пустыми пивными бутылками.

Пиная мешающий мне мусор, камни и комья земли, я иду дальше. Замечаю что-то блестящее в темноте, потом еще и еще – в траве серебрятся осколки стекла и куски металла. А вот красный светящийся осколок габаритного огня. И еще разбитое вдребезги зеркало заднего вида. А вот и сам номер автомобиля, на нем несколько вмятин, причем сама табличка согнута практически пополам.

Внезапно все эти детали воссоздают картину. Я врос в землю, как камень, потому что тяжесть произошедшего поглотила меня целиком.

Я оставляю все на своих местах, кроме номерного знака. Его я забираю с собой. Мне кажется неправильным бросить его здесь. Это личная вещь, очень личная, и было бы нехорошо,

если кто-то, кто не знает Вайолет и не знал ее сестру, забрал бы его себе в виде сувенира или для того, чтобы дополнить свою необычную коллекцию случайных находок. Всю дорогу домой я преодолеваю бегом. Мне тяжело и кажется, что я совершенно опустошен.

На этот раз все будет по-другому. На этот раз я буду бодрствовать.

Я бегу до тех пор, пока время для меня не останавливается. И рассудок тоже. Единственное, что я ощущаю сейчас – это холодный металл номерного знака в руке и биение сердца.

Вайолет
152 дня до окончания школы

Утро воскресенья, моя спальня

Заканчивается время регистрации домена сайта «Ее сестра». Я узнала об этом, потому что мне пришло письмо на электронную почту от хостинг-компании, которая за этим следит. Они предупреждают меня о том, что я должна или обновить сайт, или забыть о нем навсегда. Я открываю архивы, просматриваю материалы, над которыми мы работали до прошлого апреля. Тут все наши идеи. Одна датирована днем, накануне которого Элеонора погибла. Но когда я открываю первый файл, я обнаруживаю, что он пустой. Я начинаю открывать другие и понимаю, что вижу только отрывки каких-то мыслей, наброски будущих статей. Кроме того, их большая часть не имеет для меня никакого смысла. Без нее я теперь уже ничего не расшифрую.

Наши мысли по поводу того, каким должен быть журнал, расходились. Она была старше (и более деловитой), а это означало, что она всегда занимала главенствующее положение, и в результате всегда все получалось так, как того хотела именно она. Я могу попытаться сохранить наш сайт, исправить его, кое-что поменять и превратить в нечто новое. Может быть, в то самое место, где писатели могли бы обмениваться своими мыслями и представлять свое творчество. Тут говорили бы не только о модных оттенках лака для ногтей в текущем сезоне, о парнях и музыке, но и на другие темы. Например, делились бы опытом, как быстро поменять колесо или выучить французский. Или о том, что можно ожидать от нашего мира, если ты остался один.

Все это я записываю исключительно для себя. Потом захожу на сайт и читаю последние записи, сделанные в день вечеринки – два разных мнения о книге Джули Плам «Изгоняющий бесов из девушек». Даже не «Под стеклянным колпаком» и не «Над пропастью во ржи». Ничего важного или потрясающего. Ничего такого, о чем можно было бы, не сожалея, сказать: «Это последнее, что ты напишешь перед тем, как весь мир изменится».

Я удаляю все свои записи. И письмо от хостинг-компании тоже. После этого я очищаю корзину, чтобы письмо исчезло навсегда, как исчезла Элеонора.

Финч
8-й день бодрствования

Вечером в воскресенье мы с Кейт и Деккой едем к отцу в самый фешенебельный район города на еженедельный обязательный семейный ужин. Я надеваю все ту же самую простую синюю футболку, в которой неизменно являюсь к нему домой. Он думает, что это моя школьная форма, а я не собираюсь посвящать его в детали.

По пути в гости мы молча смотрим в окна. Мы даже радио не включаем.

– Развлекайтесь там, не скучайте, – напутствует нас мать перед отъездом, стараясь все время улыбаться и выглядеть довольной. Хотя при этом я уверен, что в ту минуту, когда машина завернет за угол, она бросится названивать своей подружке и обязательно откупорит бутылочку красного вина. Это будет мой первый визит к отцу после Дня благодарения. К тому же я впервые увижу его новый дом, где он живет с Розмари и ее сыном.

А обитают они в одном из только что выстроенных домиков в колониальном стиле, которые похожи один на другой, как близнецы, и заполняют всю улицу от начала до конца. Мы подъезжаем к нужному нам особняку, и Кейт шутит:

– Представляешь, как нелегко придется подвыпившему хозяину дома отыскать свое жилище?!

Мы втроем чинно вышагиваем по чистенькой белой дорожке, которая кажется еще белее рядом с ярко-зеленой лужайкой. У дома припаркованы два совершенно одинаковых внедорожника. Они надменно сверкают, словно соперничая друг с другом, как будто это что-то изменит в их жизни.

На звонок появляется Розмари. Ей лет тридцать, наверное, но выглядит она, как сорокалетняя замужняя женщина, у которой уже ничего в судьбе поменяться не может. Это крашеная блондинка с рыжеватым оттенком волос и озабоченным выражением лица. Розмари, если верить моей матери, прирожденная опекунша, что (опять же, по мнению моей матери) как раз и нужно моему отцу. Первый муж выделил ей состояние в размере двухсот тысяч долларов, что и явилось ее приданым плюс семилетний сын Джош Раймонд с щелями между зубами, который мог бы оказаться моим настоящим братом. А мог бы и не оказаться.

Отец врывается к нам с заднего двора, где он поджаривает на гриле сразу килограммов пятнадцать мяса. Несмотря на то, что сейчас январь, а не июль. На футболке у него надпись «Кэнакс» – сосунки». Двенадцать лет назад он был профессиональным хоккеистом, больше известный под прозвищем Крушитель, пока не сломал бедро о голову другого игрока. Он ничуть не изменился с того дня, когда я видел его последний раз – слишком уж красивый и в отличной форме. Как-то странно для мужчины в его возрасте. Такое впечатление, будто он ждет призыва в армию. Правда, в его темной шевелюре появились седые волосы – это уже что-то новенькое.

Он по очереди обнимает моих сестер, по-отечески хлопает меня по спине. В отличие от других хоккеистов, он каким-то образом сберег все свои зубы и теперь без конца их нам демонстрирует, постоянно улыбаясь, как будто мы поклонники его спортивных достижений. Он интересуется тем, как прошла у нас неделя, что нового в школе и узнали ли мы на уроках что-то такое, чего он до сих пор еще не знает. Это вызов, он словно бросает нам перчатку. Это его способ доказать, какой папочка умный и мудрый, но никого эта тема не воодушевляет, и мы признаемся, что ничего такого учителя нам сообщить не смогли.

Потом папа интересуется нашими дополнительными самостоятельными занятиями по специальной программе за ноябрь и декабрь, и до меня не сразу доходит, что сейчас он обращается непосредственно ко мне.

– Тут тоже все в порядке, – отвечает за меня Кейт. Молодец, сестренка!

Я говорю себе не забыть поблагодарить ее. Отец ничего не знает о моей отключке. И еще он остается в неведении насчет того, что после случая с разбитой гитарой я сообщил директору Уэртцу о том, будто мой папа погиб на охоте от случайного выстрела. Тому и в голову не пришло проверить эту информацию, и теперь в случае возникновения проблем он всегда звонит матери. Ну а это, естественно, означает, что всякий раз он разговаривает с Кейт, потому что маме невдомек проверять голосовые сообщения на телефоне.

Я убираю с гриля прилипший листочек.

– Мне предлагали остаться, но я отказался. Мне, конечно, нравится фигурное катание само по себе, и у меня это неплохо получается – наверное, я беру пример с тебя. Но я не уверен в том, что мне хочется стать профессиональным фигуристом.

Я получаю удовольствие от комментариев такого рода, полностью сознавая при этом, что самый страшный кошмар для моего отца – это сын гей.

Единственная реакция на мои слова со стороны отца – он открывает очередную бутылку пива и с яростью набрасывается на поджаривающееся мясо с огромными щипцами. Причем он так энергично и обеспокоенно хватается за мясо, словно волнуется за то, что оно вот-вот сорвется с решетки и сожрет всех присутствующих. Хоть бы действительно сожрало!

Когда настает время садиться за стол, мы устраиваемся в столовой, выдержанной в золотисто-белых тонах с ковром из натуральной шерсти, самым дорогим, который только можно купить. Это видимое улучшение в обстановке, если вспомнить паршивый берберский коврик, который принадлежал им раньше.

Джош Раймонд с трудом достает до стола, потому что мама у него миниатюрная, а бывший муж у нее низкорослый, в отличие от моего папаши-верзилы. Но мой сводный братик, хоть и малявка, устроен по-другому, нежели я в его возрасте. Он хорошо сложен, ни локти, ни уши в разные стороны у него не торчат. Все части тела пропорциональны. Это еще раз заставляет меня подумать о том, что он, наверное, все же не мой биологический брат и к моему отцу не имеет никакого отношения.

Сейчас Джош Раймонд колотит ногой по ножке стола и одновременно пялится на нас своими огромными, как у совенка, глазищами, не мигая.

– Как тебе тут живется, парень? Пока держишься? – интересуюсь я.

Он что-то скрипит в ответ. Мой отец Крушитель осторожно ощупывает свой подбородок с идеальной щетиной и негромко, но с большим запасом терпения в голосе произносит:

– Джош Раймонд, кажется, мы с тобой уже обсуждали тему, касающуюся избивания ножки стола.

Да, ни со мной, ни с моими сестрами так вежливо обходиться он не удосуживался.

Декка, которой наконец-то положили что-то на тарелку, приступает к еде, а Розмари идет дальше, обслуживая присутствующих одного за другим. Когда она доходит до меня, я заявляю:

– Мне ничего не надо. Если только у вас найдется вегетарианский бургер.

Она начинает удивленно моргать, а ее рука зависает в воздухе, не добравшись до моей тарелки. Не поворачивая головы, она переводит взгляд в направлении моего отца.

– Вегетарианский бургер? Меня вырастили на мясе и картошке, и вот я прекрасно дожил до своих тридцати пяти. – Между прочим, в октябре ему стукнуло сорок три. – Меня кормили родители, и не мое дело было ставить под сомнение, ту или не ту пищу они мне предлагали. – Он приподнимает низ футболки так, что становится виден его плоский рельефный живот, правда, уже без «кубиков», как прежде. Он осуждающе покачивает головой и улыбается мне. Это улыбка человека, у которого есть новая жена, новый сын, новый дом, два новых автомобиля и новая лужайка. И при этом ему приходится оставаться в обществе своих «старых» детей всего часок-другой.

– Я не ем мясо животных, пап. – Если быть честным, то это Финч восьмидесятых вегетарианец.

– И давно?

– С прошлой недели.

– Боже мой… – Папа откидывается на спинку стула и пристально смотрит на меня, а Декка в это время жадно кусает мясо, и по ее щекам течет кровавый сок, собирается у подбородка и начинает капать в тарелку.

– Перестань, пап, – подхватывает Кейт. – Если ему не хочется есть, пускай не ест, вот и все.

Я не успеваю остановить Финча восьмидесятых, и он хладнокровно выдает:

– Существуют различные способы умереть. Можно, например, спрыгнуть с крыши, а можно медленно отравлять себя плотью других существ каждый божий день.

– Тео, прости меня. Я же не знала, – вступает в беседу Розмари, бросая недовольный взгляд в сторону отца, который до сих пор не сводит с меня глаз. – Может быть, предложить тебе картофельный салат, или съешь гамбургер, а мясо из него оставь на тарелке. Или можно сделать сандвич с картофельным салатом, а? – Она так старается угодить мне, что я соглашаюсь на ее предложение, хотя в состав картофельного салата входит бекон.

– Он не будет это есть, – заявляет Кейт. – В картофельном салате есть бекон.

– Он может убрать его, черт побери, – ворчит отец, и в его произношении слышится канадский акцент. Он начинает сердиться, и мы замолкаем, потому что чем быстрее мы съедим ужин, тем быстрее уедем отсюда.

Очутившись дома, я тут же целую маму, поскольку ей сейчас требуется наше внимание, и ощущаю запах вина.

– Ну как, ребята, вам было весело? – спрашивает она, втайне надеясь, что сейчас мы будем просить ее разрешения больше никогда туда не ездить.

– Разумеется, нет, – бормочет себе под нос Декка и, тяжело ступая, поднимается к себе в комнату.

Мама вздыхает с некоторым облегчением и, пригубив еще вина, отправляется за дочкой. По воскресеньям она становится идеальной матерью.

Кейт открывает большой пакет чипсов и замечает:

– Как это глупо! – Я прекрасно понимаю, что она хочет сказать. Под словом «это» она имеет в виду наших родителей и воскресные дни и даже, возможно, всю нашу жизнь. – Я не понимаю, почему мы должны ездить туда и притворяться, словно обожаем друг друга, хотя при этом каждый из нас понимает, что делает. Все это сплошное притворство. – Она передает пакет мне.

– Потому что людям нравится, когда другие притворяются, Кейт. Они предпочитают хотя бы такое общение.

Резким движением она забрасывает волосы за плечи и морщит лоб так, чтобы стало ясно: она обдумывает что-то серьезное.

– Ты знаешь, я все-таки решила пойти осенью в колледж. – Раньше Кейт хотела подождать год, к такому заключению она пришла после развода родителей. «Кто-то ведь должен присматривать за мамой и заботиться о ней», – объясняла она тогда свое решение.

Неожиданно я ощущаю голод, и мы начинаем передавать пакет с чипсами туда-сюда. Отправив в рот очередную порцию, я говорю:

– А я думал, что тебе будет в удовольствие отдохнуть от учебы хотя бы годик.

Я очень люблю свою сестру и готов вместе с ней притворяться, что это и есть вторая причина для паузы в получении образования. И будто якобы ее измены школьному бойфренду тут ни при чем. Между прочим, тому самому, с которым она планировала строить свою дальнейшую жизнь.

Она пожимает плечами:

– Не знаю. Наверное, это не тот отдых, на который я рассчитывала. Я подумываю о том, чтобы отправиться в Денвер с Тайлером и посмотреть, может ли у нас там что-то получиться. Жить здесь и одновременно учиться, видимо, не получится.

Спорить с ней я не собираюсь, а потому спрашиваю:

– Ты помнишь Элеонору Марки?

– Конечно, мы учились в одном классе. А что такое?

– У нее есть сестра. Я встретил ее на колокольне, когда мы оба собирались сигануть вниз. Можно было бы вытянуть руки в стороны, переплести пальцы и прыгнуть вдвоем. Этакая падающая звезда из влюбленных. Мы могли бы стать легендой, и потом бы про нас сочиняли песни.

Кейт вновь пожимает плечами:

– Элеонора была нормальной девчонкой. Немного погруженной в себя. В общем, прикольной, хотя я ее близко и не знала. А вот сестру почему-то не могу вспомнить. – Она допивает вино из маминого стакана и хватает ключи от машины. – Потом поговорим.

Оказавшись у себя наверху, я ставлю на проигрыватель пластинку Джонни Кэша и начинаю рыться в ящиках стола в поисках сигареты, приказав при этом Финчу из 80-х заткнуться. В конце концов, я сам его придумал и точно так же могу отправить обратно в небытие. Но, прикурив сигарету, я вдруг очень ясно представляю себе, как мои легкие чернеют и становятся похожими по цвету на только что заасфальтированную дорогу, и мне вспоминаются собственные слова, обращенные к отцу: «Существуют различные способы умереть. Можно, например, спрыгнуть с крыши, а можно медленно отравлять себя плотью других существ каждый божий день».

Ни одно животное не пострадало при изготовлении этой сигареты, но мне, тем не менее, очень не нравятся ощущения, которые я сейчас испытываю. Мне кажется, что я загрязняю и отравляю себя. Я тушу сигарету, чтобы не успеть передумать, быстро ломаю все оставшиеся пополам. Потом разрезаю ножницами и эти половинки и подметаю мусор в комнате. После этого я включаю компьютер, захожу на свою страницу и начинаю писать.

Одиннадцатое января. По сведениям «Нью-Йорк таймс», почти двадцать процентов самоубийц пользуются ядом, однако среди врачей-самоубийц эта цифра увеличивается до пятидесяти семи процентов. Мои мысли по поводу данного метода: подходит только для трусов, если мое мнение имеет для кого-то значение. Лучше уж хоть что-то успеть почувствовать. Раз пошел такой разговор, поделюсь своими мыслями. Если бы кто-нибудь приставил пистолет мне к виску (ха-ха-ха – пардон за юмор висельника) и заставил бы принять яд, я бы отдал предпочтение цианистому калию. Яд в газообразном состоянии может вызвать мгновенную смерть, но при этом, как я понимаю, человек ничего не успевает почувствовать. Но вы подумайте вот о чем: после всего, что вы успели испытать в своей жизни, может быть, стоит выбрать что-то быстрое и внезапное?

Закончив, я направляюсь в ванную и залезаю в аптечку. Адвил, аспирин, какие-то снотворные таблетки, которые Кейт доставала по знакомству, а я у нее их увел и с тех пор хранил в мамином флакончике из-под какого-то совершенно невинного лекарства. Когда у нас с Эмбрионом зашел разговор о наркотиках, я не наврал ему. Я и наркота – понятия несовместимые. Я столько времени сражался с тем, чтобы научиться управлять собственным мозгом, так что никакие посторонние средства, действующие на мою голову, мне совершенно не нужны.

Правда, таблетка снотворного может понадобиться любому здравомыслящему человеку. Причем никто не может предугадать, когда именно придется прибегнуть к ее помощи. Я открываю пузырек, высыпаю голубоватые таблетки на ладонь и аккуратно пересчитываю их. Трид-

цать штук. Вернувшись за стол, я выстраиваю их в несколько рядов. Получается крохотная голубая армия.

Я захожу в «Фейсбук» и вижу, что на странице Вайолет какой-то школьник уже написал о том, какая она молодец и чуть ли не героиня, потому что спасла меня от неминуемой гибели. Ниже следуют 146 комментариев. Эта заметка уже набрала 289 лайков. Я задумываюсь над тем, какое же огромное количество людей все-таки радуется тому, что я остался жить, и захожу на свою страничку. Она пуста, и здесь можно узнать только о том, что я признан другом Вайолет.

Я кладу пальцы на клавиатуру и начинаю рассматривать ногти – крупные, аккуратно постриженные, округлой формы. Я провожу подушечками пальцев по клавишам, как будто играю на рояле. Потом печатаю текст: «Обязательный семейный прием пищи отвратителен, особенно если в нем участвует мясо, которое не воспринимается кем-то из участников встречи. *Я чувствую, что мы не переживем очередных тяжелых времен.* В особенности сейчас, когда больше и делать-то нечего». Цитата взята из предсмертной записки Вирджинии Вулф, которая предназначалась ее мужу, но мне показалось, что эта фраза будет уместна и в моем случае.

Я отправляю послание и жду возле компьютера. Я выстраиваю таблетки в ряды по три штуки, потом по десять, но на самом деле я просто надеюсь получить ответ от Вайолет. Затем я пытаюсь вернуть автомобильному номерному знаку его первоначальный вид. Пишу на листке бумаги: «очередные тяжелые времена» и добавляю их к своей коллекции на стене, где уже полно подобных записей. Сама стена тоже имеет несколько названий. Стена мыслей. Стена идей. Стена моего мозга или просто «Стена» – не путать со «Стеной» группы «Пинк флойд». Моя стена – это такое место, по которому я могу проследить за ходом своих мыслей, я могу вспомнить о тех, которые уже ушли. Сюда записывается все самое интересное, необычное или даже просто то, что приносит мне некое вдохновение.

Через час я проверяю свою страничку в «Фейсбуке». Вайолет написала: «Приведи в порядок все те обрывки, из которых состоит твой путь».

Я чувствую, как моя кожа начинает гореть. Она тоже цитирует Вирджинию Вулф. Частота пульса утроилась. Вот черт! Больше я из Вирджинии Вулф ничего и не помню. Я быстро залезаю в Интернет, чтобы в спешном порядке подыскать нужный ответ. Внезапно я сознаю, что нужно было бы больше обращать внимания на Вирджинию Вулф, писательницу, которая до сих пор как-то была мне не слишком нужна. Более того, теперь мне начинает казаться, что я вообще должен был посвятить все свои семнадцать лет на изучение творчества Вирджинии Вулф.

Я печатаю ответ: «Мой мозг для меня является самым непонятным механизмом – всегда жужжит, трещит, рычит, то взмывает ввысь, то пикирует и зарывается в ил. И для чего? К чему вся эта страсть?»

Он отправляется к Вайолет вместе с напоминанием о тех, кто заполняет пустоту, и о том, что все вокруг – не важно. Но вместе с тем это точно про меня – жужжание, треск и рык, вверх и вниз, а потом глубоко в ил, причем настолько глубоко, что мне становится трудно дышать. Фазы отключки и бодрствования, между которыми нет ничего.

Цитата хорошая и настолько удачная, что у меня мурашки по коже пробегают. Я смотрю, как поднялись волоски на руке, и когда снова бросаю взгляд на экран, то вижу, что Вайолет уже ответила: «Когда ты говоришь о таких понятиях, как звезды, наши земные дела, похоже, перестают иметь какое-либо значение».

Теперь я открыто жульничаю, выискивая в Интернете цитаты из Вирджинии Вулф. Интересно, а она подсматривает их или нет? Пишу: «Я хожу корнями в землю, но я теку».

Затем мне хочется поменять ее, и я готов удалить строчку, но тут снова приходит послание от Вайолет: «Вот это мне нравится. Откуда?»

Я отвечаю: «Из «Волн».

И снова – быстрее в Интернет. Нахожу нужный абзац и дописываю: «Я чувствую, тысячи способностей возникают во мне. Меня охватывает игривость, лукавство, потом поочередно одолевает медлительность и меланхолия. Я ухожу корнями в землю, но я теку. Вся золотая, я теку».

Здесь я заканчиваю, потому что мне не терпится узнать – успела ли она ответить.

На это у нее уходит целых три минуты. *«Мне нравится вот что:* «Это самый восхитительный миг моей жизни. Я трепещу. Я пульсирую. Я устремляюсь с течением, как растение, попавшее в реку. Оно просто плывет вместе с течением, сначала туда, потом сюда. Но корнями я ухожу в землю, чтобы он смог прийти ко мне. «Иди, – говорю я. – Иди».

Теперь не только мой пульс приходит в возбуждение. Я устраиваюсь поудобнее и думаю о том, насколько все это странно, необычно и одновременно сексуально.

Я пишу: «Ты заставляешь меня чувствовать себя так, будто это я весь в золоте и теку» – и тут же отправляю ей, не задумываясь. Я мог бы продолжать и дальше цитировать Вирджинию Вулф – поверьте, дальше идет еще более откровенный текст, – но я решаю, что вместо этого стоит процитировать самого себя.

Я жду ее ответ. Жду три минуты. Пять минут. Десять. Пятнадцать. Потом захожу на ее сайт, тот самый, который она вела вместе с сестрой, и смотрю, каким числом датирована последняя запись – ничего не изменилось с того времени, как я заглядывал сюда в прошлый раз.

Я вникаю в смысл, я думаю. Ни золота, ни течения. Все остается на своих местах.

Затем появляется очередное послание: «Я приняла твои правила относительно походов и путешествий, но у меня есть условия. В плохую погоду мы не путешествуем. Мы передвигаемся пешком/бегом или на велосипедах. Никаких автомобилей. И мы не удаляемся на большие расстояния от Бартлетта».

Она перешла на деловые отношения. Я отвечаю: «Если мы передвигаемся только пешком (бегом) или на великах, проблем не возникнет. – Вспомнив про ее мертвый и пустой сайт, я добавляю: – Мы должны написать о своих путешествиях, чтобы у нас было что-то, кроме фотографий. В общем, писать, конечно, должна ты, а я буду только улыбаться и чувствовать себя причастным к этому делу».

Я продолжаю сидеть в Интернете еще час, хотя она давно вышла. Наверное, я ее напугал. Или она была чем-то раздражена. Вот почему я сочиняю песню за песней. В основном у меня получается сборник песен, которые изменят мир. Наверное, потому что они все очень хорошие, глубокие и просто удивительные. Но сегодня я говорю себе, что у меня нет ничего общего с Вайолет, не важно, насколько мне этого хочется. Я спрашиваю себя, действительно ли в нашей переписке промелькнула искра, или я все навоображал из-за перевозбуждения к девушке, которую я в общем-то совсем не знаю. Наверное, все это происходило лишь из-за того, что она оказалась первым человеком, который разговаривает со мной на одном языке. Ну, употребляя хотя бы несколько слов из него.

Я собираю все таблетки на ладонь. Я могу проглотить их прямо сейчас, лечь на кровать, закрыть глаза и отъехать. Но кто тогда будет проверять, забралась ли снова Вайолет Марки на колокольню или нет? Я кидаю таблетки в унитаз и смываю. Потом я возвращаюсь на сайт «Ее сестра» и изучаю все материалы из архивов, все до последнего, и не успокаиваюсь до тех пор, пока не прочитываю каждый пост.

Я долго не ложусь и засыпаю только около четырех утра. Мне снится, будто я совершенно голый стою на школьной колокольне на холоде и под дождем. Я смотрю вниз и вижу всех: собрались учителя и ученики и даже мой отец, поедающий не прожаренный гамбургер. Он поднимает его высоко вверх, будто собирается произнести за меня тост. Я слышу шум, поворачиваюсь и вижу Вайолет на противоположном конце выступа. Она тоже обнажена, только обута в черные сапожки. Такое зрелище приводит меня в оцепенение – передо мной самое

прекрасное существо на свете, да еще эти глаза… Но прежде чем я успеваю прийти в себя, отлипнуть от стены и двинуться ей навстречу, она открывает рот, прыгает в воздух и начинает отчаянно кричать.

Разумеется, это звенит мой будильник, и я стучу по нему кулаком, потом швыряю его о стену, где он лежит и жалобно блеет, как заблудившаяся овца.

Вайолет
151 день до окончания школы

Утро понедельника. Первый урок

Все только и говорят о последней заметке в «Бартлетт дерт», нашей школьной газете, которая не только занимает целый сайт в сети, но, кажется, превзошла весь Интернет по размаху своих сплетен. «Старшеклассница героически спасает своего сумасшедшего одноклассника, не дав ему спрыгнуть с колокольни». Наши фамилии не упоминаются, зато есть моя фотография с кривой челкой и перепуганными глазами за стеклами очков Элеоноры. Я выгляжу, как на фото «до» в проекте по изменению внешности. Здесь же присутствует и фотография Теодора Финча.

Джордан Грипенвальдт, редактор нашей школьной газеты, тихо, с нотками отвращения читает статью своим подружкам Алекс и Присцилле. Время от времени они поглядывают в мою сторону и качают головами. Но это относится не ко мне, а к этому примеру неудачной подачи материала.

Это неплохие девчонки, они все хорошо понимают. Вот с кем мне надо было дружить, а не с Амандой. Еще год назад я бы уже обсуждала с ними все важные темы и поместила бы в Интернете написанный мной материал о школьных сплетнях и пересудах. Но вместо этого я забираю свою сумку и, сказавшись больной (якобы меня замучили колики), отпрашиваюсь у учителя. Потом я спокойно миную кабинет медсестры и решительно поднимаюсь на последний этаж. Здесь я мгновенно открываю замок двери, ведущей на колокольню. Но дохожу только до лестницы, присаживаюсь на ступеньки и в свете мобильника читаю сразу две главы подряд из «Грозового Перевала». Я разочаровалась в Энн Бронте и решила, что для меня теперь существует только непокорная Эмили, сердитая на весь свет.

«Если все прочее сгинет, а он останется – я еще не исчезну из бытия; если же все прочее останется, но не станет его, вселенная для меня обратится в нечто огромное и чужое, и я уже не буду больше ее частью»[2].

– Я уже не буду больше ее частью, – вслух произношу я, ни к кому конкретно не обращаясь. – Это ты точно подметила.

[2] *Э. Бронте.* Грозовой Перевал. Пер. Н. Вольпин.

Финч
9-й день

К утру понедельника мне становится ясно, что Финча восьмидесятых придется забыть. Во-первых, его фото в «Бартлетт дерт» не самое удачное. Он выглядит слишком расслабленным и здоровым, подозреваю, потому что не курит и не ест мясо животных. Во-вторых, мне он не кажется подходящим парнем. Он из тех, кто отлично ладит с учителями и прекрасно выступает на поп-викторинах. Он, может быть, ловко справляется с маминым автомобилем, но вот что касается девчонок, тут у него одни проколы. Самое главное, что с Вайолет Марки у него вообще никогда ничего не получится.

Вместо третьего урока я отправляюсь в «Гудуилл», где меня уже поджидает Чарли. Магазин расположен возле железнодорожного вокзала, где раньше были пустыри да старые заброшенные и сожженные фабрики с исписанными граффити остатками стен. Но теперь эту зону облагородили и полностью изменили прежний облик, покрасив заново.

Чарли прихватил с собой Бренду как консультанта по моде, хотя предметы ее гардероба никогда не сочетаются. Она, конечно, клянется, что одевается так специально. Пока Чарли щебечет о чем-то с одной из продавщиц, Брен вместе со мной переходит от полки к полке и зевает от скуки. Потом без особого энтузиазма просматривает кожаные куртки.

– А что именно мы пытаемся тут отыскать?

– Мне надо поменять имидж. – Она снова зевает и даже не прикрывает рот рукой, так что мне становятся видны все пломбы в ее зубах.

– Поздно легла?

Она широко улыбается, растягивая ярко-розовые губы.

– Аманда Монк устраивала вечеринку в субботу. Я была с Гейбом Ромеро.

Ромеро известен не только тем, что он бойфренд Аманды, но еще и тем, что он самый известный ловелас в нашей школе. По каким-то непонятным причинам Брен вот уже второй год бегает за ним.

– А он об этом вспомнит?

Улыбка сползает с ее лица.

– Он, конечно, здорово нализался, но я оставила один вот такой у него в кармане. – Она поднимает руку, растопыривает пальцы и красноречиво шевелит ими. Я сразу замечаю, что на одном из них не хватает длинного голубого накладного ногтя. – И еще колечко для носа. Так, на всякий случай.

– Ты сегодня как-то по-другому выглядишь.

– Это остатки настроения. Ну-с… – Она, похоже, окончательно пробуждается, хлопает в ладоши и начинает хищно потирать руки, как безумный ученый, готовящийся к своим экспериментам. – Так что же мы все-таки ищем?

– Сам не знаю. Что-нибудь не очень помпезное, но все же немного сексуальное. Со стилем восьмидесятых покончено.

Она хмурится:

– Неужели тут замешана девчонка? Как ее зовут? Небось тощая как скелет?

– Вайолет Марки. Только она совсем не тощая, у нее имеются бедра.

– И еще очень сладкая попка. – К нам присоединяется Чарли.

– Не может быть. – Брен так отчаянно мотает головой, что со стороны может показаться, будто у нее начался приступ. – Неужели ты выбираешь прикид, чтобы угодить девчонке? Ты должен одеваться так, как нравится тебе. Если ты не понравишься ей таким, какой ты есть, значит, она тебе вообще не нужна. – Все это было бы замечательно, если бы я точно знал сам, какой я есть. Она тем временем продолжает: – Это та девчонка, у которой свой блог, та самая,

которая нравится Джемме Стерлинг? Та самая, которая спасла от смерти своего «сумасшедшего одноклассника»? Ну так трахни ее вместе с ее тощей задницей. – Брен ненавидит всех девушек, которые носят одежду меньше сорок восьмого размера.

Она продолжает что-то тараторить насчет Вайолет, потом насчет Джеммы Стерлинг, затем плавно переходит на «Бартлетт дерт». Я упрямо молчу. Мне почему-то не хочется, чтобы Брен или Чарли обсуждали Вайолет. Она нужна мне самому. Это как в то Рождество, когда мне было восемь. Тогда праздники казались волшебными. Мне подарили первую гитару. И я назвал ее «Проход запрещен», чтобы дать понять – трогать ее позволено только мне.

Наконец, мне становится понятно, что выбора не остается, и я должен как-то прервать Брен:

– Она попала в жуткую катастрофу в прошлом году в апреле вместе со своей сестрой. Помнишь, когда машина сорвалась с моста?

– Боже мой! Так это была она?

– И ее старшая сестра.

– Вот черт! – Брен ощупывает свой подбородок и стучит по нему пальцем. – Послушай, может быть, тебе стоит подстраховаться? – Голос у нее становится более мягким. – Вспомни Райана Кросса. Как он одевается? Надо было пойти в «Олд нэви» или «Американ игл», а еще лучше – точно! – «Аберкромби» в Дейтоне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.